

Министерство образования и науки Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет иностранных языков
Кафедра английской филологии

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК

Руководитель ООП

к. филол. наук, доцент

 И.Г. Темникова
« 15 » июня 2018 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

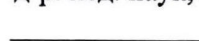
ДВУЯЗЫЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ РЕАЛИЙ В СФЕРЕ
УРБАНИСТИКИ

по специальности 45.05.01 – Перевод и переводоведение

Волошина Анастасия Денисовна

Руководитель ВКР

д-р. пед. наук, профессор

 С.К. Гураль

подпись

« _____ » _____ 2018 г.

Научный консультант ВКР

ст. преп. каф. англ. филол.

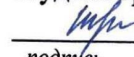
 И.И. Травина

подпись

« 15 » 06 2018 г.

Автор работы

студент группы № 19302

 А.Д. Волошина

подпись

Томск-2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1 Реалии в городском пространстве как переводческая проблема	10
1.1 Лингвокультурологический аспект перевода: актуальность и ключевые особенности подхода	10
1.2 Проблема определения и развития понятия «реалия» в переводоведении	13
1.3 Подходы к классификации реалий в переводоведении	18
1.4 Концепции перевода реалий в современной лингвистике: проблема понятия «эквивалентность» и выбора способа перевода	23
1.5 Определение понятия «урбанистика»: актуальность междисциплинарных исследований и кросс-культурной интеграции в городском пространстве	26
Выводы по главе 1	31
2 Практическая реализация двуязычной репрезентации культурных аспектов реалий в городском пространстве	33
2.1 Перевод городских реалий в художественной литературе и публицистике: избранные выдержки из статей и произведений	33
2.2 Перевод городских реалий Томска в медиа-дискурсе: актуальность проблемы для иностранных гостей города, результаты исследования	43
2.3 Критический анализ перевода реалий Томска в свете урбанистики	52
2.3.1 Перевод культурно-исторических и религиозных реалий	54
2.3.2 Перевод реалий, связанных с деревянным зодчеством	61
2.3.3 Перевод религиозно-маркированных реалий	64
2.3.4 Перевод этнографических и общественно-политических реалий	68
Выводы по главе 2	72
Заключение	77
Список использованных источников и литературы	83
Приложение А Анкета для исследования «Cultural aspects of	

bilingual representation in modern urban area»	92
Приложение Б Авторский краткий информационный буклет о культурно-исторических реалиях Томска на английском языке «A Condensed Travel Guide to Tomsk»	98

ВВЕДЕНИЕ

В современную эпоху становления и укрепления международного междисциплинарного гуманитарного взаимодействия возрастает роль интеграции лингвистики с другими сферами культурной и социальной жизни общества. Парадигма «язык – культура – мышление» приобретает практическую направленность в сфере межкультурной коммуникации. Лингвистика, культурология, языкознание, антропология, психология, философия, герменевтика и социология реализуют процесс кросс-культурной интеграции общества. Перевод и переводоведение, в частности, в ходе развития лингвистического знания выступают в качестве ключевых факторов, влияющих на успешность процесса глобализации в современном мире, поскольку *трансляция языковой информации неразрывно связана с передачей её культурного аспекта*.

Рассматривая язык и культуру как синхронно развивающиеся системы, современное переводоведение актуализирует проблемы передачи культурно-маркированной информации на язык перевода. Одним из обязательных факторов успешной межкультурной коммуникации является полное и, по мере возможности, равноценное по степени воздействия вовлечение представителей двух и более культур, участвующих в процессе двуязычной коммуникации или коммуникации на нескольких языках. Реализация этого процесса и степень его успешности является первичной компетенцией переводчика.

В этой связи подчеркивается важность внимания к определенным аспектам переводческой деятельности, представляющим особую трудность для переводчика, в частности к *безэквивалентной лексике*. Одной из самостоятельных составляющих этого широкого по своему содержанию понятия являются *реалии* – особые единицы языка, входящие в состав безэквивалентной лексики, отражающие культурные, национальные, этнографические и другие характерные особенности данного языка, зачастую отсутствующие в культуре языка перевода. Мы говорим *о культуре языка*

перевода, тем самым подчеркивая интегрированный характер языка и культуры, которые являют собой взаимозависимые системы и реализуются друг через друга в процессе коммуникации.

Вопросы взаимовлияния культур и адекватного перевода реалий касаются всех сфер *приложения* переводческой деятельности: художественного перевода, перевода культурно–маркированных статей, медиа–изданий, путеводителей, информационных текстов экскурсионного характера, и, таким образом, в целом городской среды как пространства, в котором и закладывается база, основа для первичного культурного восприятия исходного языка для представителя иной культуры. Так, в связи с вышеупомянутым процессом глобализации и кросс–культурной интеграции, большинство крупных городов мира уже вышли на этап создания так называемого «foreigner friendly» окружения – доступной для иностранного гостя среды в местах, представляющих собой культурно–историческую ценность, где языком межкультурного общения, в большинстве случаев, выступает английский язык. От аэропортов и остановок общественного транспорта до международных форумов, музеев и объектов культурного наследия – наличие качественного перевода в информационном урбанистическом пространстве является маркером готовности общества к передаче культурных ценностей носителю иного языка, и, следовательно, иной культуры.

Актуальность избранной темы обусловлена недостаточной освещённостью проблем перевода реалий как безэквивалентной культурно–маркированной лексики и последующего внедрения этого перевода в городское пространство и медиа–дискурс. Переводческие проблемы реалий заключаются в отсутствии возможности в полной мере передать содержащийся в них культурный аспект, который оказывается «заключенным» в рамки языковой структуры, а «освободить» его и реализовать в переводе – одна из самых трудных задач для переводчика,

требующая от него глубоких фоновых знаний о собственной культуре, этимологии слов и других профессиональных компетенций.

Новизна темы исследования заключается в том, что в работе поднимается новая проблема перевода в урбанистике: данная область межкультурной коммуникации начала зарождаться сравнительно недавно, в связи с активным появлением в городском пространстве объектов для перевода, направленных на процесс культурной интеграции. Диалог лингвистического знания и урбанистики ставит перед переводчиком новые задачи, отличные от перевода в иных сферах приложения переводческой деятельности.

Предметом исследования являются реалии города Томска и их перевод на английский язык.

Объектом исследования являются передача реалий и степень сохранения в них исходного культурного аспекта при переводе на иностранный язык.

Целью исследования является выявление особенностей перевода реалий как безэквивалентной лексики и внедрении данных переводных элементов в урбанистическое пространство и медиа-дискурс.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) рассмотреть основные подходы к классификации реалий и обозначить существующие в современном лингвистическом знании способы перевода реалий;

2) дать определение понятию «урбанистика» и проследить особенности межкультурной коммуникации в городском пространстве посредством перевода культурно-маркированных единиц;

3) провести анализ перевода городских реалий в художественном и публицистическом тексте на материалах избранных выдержек из статей и произведений, а также в городской среде и разноплановом медиа–дискурсе (в элементах городской инфографики и на материалах публицистических изданий о Томске);

4) выявить актуальность заявленной проблемы для иностранных гостей города и иностранных студентов Томска с оценкой качества перевода реалий в урбанистическом пространстве;

5) определить на основании данных исследования:

а) степень вовлеченности гостей города в культурный аспект жизни Томска;

б) успешность реализации исследуемого фактора межкультурной коммуникации в Томске;

6) предложить способы решения обозначенных проблем с позиции переводчика – разработать глоссарий наиболее трудных для перевода реалий Томска и доступный буклет с переводом основных реалий Томска, актуальный для иностранных студентов, гостей международных конференций и форумов.

Методами исследования являются: сопоставительный и дискурсивный анализ, проводящиеся с целью определения близости реалии ИЯ и предлагаемого эквивалента ПЯ; метод анкетирования, классификационный метод, контент-анализ.

Работа состоит из введения, теоретической главы с выводами, практической главы с выводами, заключения, списка используемых источников и литературы, приложения А, приложения Б.

Теоретическую базу исследования составили работы таких российских и зарубежных учёных, как С. Г. Тер-Минасова, В. А. Маслова, Л. Н. Смирнов, Ю. А. Сорокин, И. Е. Герасименко, С. Влахов, С. Флорин, В. П. Берков, Ю. А. Зеленкова, В. С. Виноградов, А. А. Барабанов, Т. А. Смолицкая, Л. В. Кушнина, Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская, К. Risager, E. Nida, M. Agar, P. Claval, J. Craven, Ch. Collins и многих других.

Практическая часть исследования реализована на материалах избранных выдержек из произведений J. Kerouac «On the Road», E. Gilbert «Eat, Pray, Love», B. Walter «Paris, Capital of the Nineteenth Century» и их переводов на русский язык; двух статей Е. Костюкович «Истории из жизни урбанистики» на русском языке; шести двуязычных печатных медиа-изданий о Томске

экскурсионного и обзорного формата; элементов городской инфографики Томска.

Практическая значимость работы:

1. Разработка методических рекомендаций при переводе реалий в урбанистическом пространстве.

2. Предложение авторского глоссария перевода реалий Томска на основании результатов проводимого анализа, который может быть использован авторами, редакторами и переводчиками онлайн- и печатных путеводителей по Томску, составителями онлайн- и печатных карт, гидами и экскурсоводами.

3. Разработка буклета, описывающего основные городские реалии Томска в переводе на английский язык, выполненном с учетом особенностей теории перевода реалий, освященных в первой главе работы, и тех проблем, которые предстоит решать переводчику при описании городских реалий в узко ограниченном информативном пространстве. Буклет может предлагаться Научным исследовательским Томским государственным университетом участникам и гостям международных конференций и форумов, иностранным студентам, учёным и исследователям лингвистики и урбанистики.

В исследовании автором вырабатывается следующая **гипотеза**: лингвокультурологический подход к переводческому процессу и относительность понятия «переводческая эквивалентность» приводит переводчика к необходимости исходить не только из способов достижения прагматической цели перевода, но и из способов достижения *культурной* эквивалентности. Важнейшим критерием выбора способов перевода реалий будет являться ответ на вопрос «Как бы это сказал носитель культуры языка перевода?» «Будет ли представителю иной культуры понятна переводная реалья?» Выбирая способ перевода реалий необходимо задуматься, можно ли в конкретном случае позволить себе уход от традиционного подхода (наиболее частым способом перевода реалий будет признана транслитерация) и подобрать более близкий в своем культурном аспекте вариант перевода,

поскольку транслитерация может быть воспринята как пустой набор букв и звуков, не имеющих смысла для носителя иной культуры, следовательно, передача культурного аспекта в переводе не будет реализована. В процессе поиска варианта перевода переводчик должен учитывать необходимость глубокого обращения к культуре исходного языка и языка перевода, но не сосредоточивать свое внимание на достижении этой самой «эквивалентности», которой может не существовать для культурно-маркированной лексической единицы в конкретной паре языков.

1 Реалии в городском пространстве как переводческая проблема

1.1 Лингвокультурологический аспект перевода: актуальность и ключевые особенности подхода

Термин «лингвокультурология» был введен в отечественной лингвистике в 1990–х годах, преимущественно в трудах В. Н. Телия, как обозначение раздела науки, которая «ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке» [1, с. 44]. В. А. Маслова в своем труде «Лингвокультурология» определяет данную науку как область, «возникшую на стыке лингвистики и культурологии и исследующую проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [2, с. 26].

В зарубежной лингвистике первое упоминание термина «лингвокультурология» датируется 1989–м годом – американский лингвист и антрополог Пол Фридрих формулирует в своей статье концепт лингвокультурологии следующим образом: *“a domain of experience that fuses and intermingles the vocabulary, many semantic aspects of grammar, and the verbal aspects of culture; both grammar and culture have underlying structure while they are constantly being used and constructed by actual people on the ground. I will refer to this unitary, but at other levels, internally differentiated domain or whole as **linguaculture**, or, concretely, Greek linguaculture, rural southern Vermont linguaculture, and so on”*¹ [3, с. 307]. Необходимость появления формулировки термина, который бы объединил язык и культуру, была продиктована, по мнению Фридриха, фактом многолетних исследований взаимосвязи языка и культуры, их взаимозависимости и влиянии друг на друга.

Актуальность лингвокультурологического подхода к современному переводоведению и практике перевода определяется межкультурной

¹ перевод автора: «сфера опыта, сочетающего в себе лексический состав языка, многие семантические аспекты грамматики и вербальных аспектов культуры; и грамматика, и культура имеют в своей основе структуру, при том что их постоянно используют и создают реальные люди. Назовём эту стремящуюся к единству, но внутренне делимую на других уровнях сферу *лингвокультурологией*, а именно Греческая лингвокультурология, лингвокультурология деревенской местности южного Вермонта и так далее».

направленностью лингвистической и переводческой деятельности. Исследования в области лингвокультурологического аспекта перевода обусловлены возрастающим интересом к когнитивным аспектам лингвистического знания в рамках антропоцентрической парадигмы его развития. Так, лингвокультурологический аспект перевода исследуется современными лингвистами: В. А. Маслова [2], Ю. А. Сорокин [4], Е. Г. Новикова [5], Р. А. Матасов [6], И. Е. Герасименко [7], В. В. Воробьев [8], Н. Ф. Алефиренко [9], К. Risager [10] и другие.

Мы видим значимость лингвокультурологического аспекта перевода в следующем: языковая картина мира в свете культурологической значимости языка находит свое отражение на разных уровнях языковой системы, наиболее полно отражаясь в переводческой деятельности, поскольку перед переводчиком стоит первостепенная задача транслировать культурную информацию, содержащуюся в каждой языковой единице на язык перевода с минимальными потерями в восприятии для реципиента переводного текста, а методы и методология лингвокультурологического подхода к переводу наиболее полно отвечают переводческим задачам.

На сегодняшний день исследования в области лингвокультурологии, согласно В. А. Масловой [2], включают в себя следующие основные направления:

1. Лингвокультурология отдельной группы, этноса (исследования конкретной лингвокультурной ситуации).
2. Диахроническая лингвокультурология (изучение изменений состояния этноса за определенный период времени).
3. Сравнительная лингвокультурология (изучение проявлений разных, но взаимосвязанных этносов).
4. Сопоставительная лингвокультурология как развивающееся направление, объектом исследования которой являются особенности менталитета культуры ИЯ с позиции носителя языка и культуры ПЯ [11].

5. Лингвокультурная лексикография, основным направлением которой является разработка и составление лингвострановедческих словарей.

Последнее направление активно развивается в последнее десятилетие XX века, примером тому могут служить следующие работы: англо–русский лингвострановедческий словарь «Американа» под ред. Н. В. Чернова [85], лингвострановедческие словари Германии [86], Австрии [87], Греции [88], Франции [89], США [90], а также лингвострановедческий справочник по странам Соединенного Королевства [12]. Так, лингвострановедческий словарь США Г. Д. Томахина направлен на изучение английского языка во взаимосвязи с культурой англоязычных стран и освещает следующие разделы языковых реалий: литература, театр, кино, СМИ, музыка, танец, балет, архитектура, живопись и скульптура. Другие лингвострановедческие словари охватывают более широкие тематические разделы: к примеру, в лингвострановедческом словаре Франции приводится 7000 языковых единиц, обозначающих общественные, политические, экономические и культурные реалии жизни Франции, а также приводятся сведения о повседневном быте французов. В отличие от других лингвострановедческих трудов, в нем приводятся не только русские переводы, но и эксплицитное толкование французских реалий, пояснения и справочная информация, что позволяет наиболее полно вовлечь реципиента переводной реалии в ее культурный аспект.

Таким образом, при помощи лингвокультурологического подхода к переводу осуществляется более глубокое погружение в языковую реальность изучаемого языка через восприятие его культуры. В свете этого подхода подчеркивается необходимость исследования языковых единиц, имеющих культурно–маркированный компонент непосредственной основой своего лексического и коннотативного содержания – *реалий*.

1.2 Проблема определения и развития понятия «реалия» в переводоведении

Понятие «реалия» восходит к латинскому прилагательному среднего рода множественного числа «*realis*, –e, pl. *realia* – вещественный, действительный» [13]. В русском языке это определение сформировалось главным образом под влиянием аналогичных лексических категорий и перешло в существительное женского рода. В русском языке вне сферы профессионального лингвистического использования к слову «реалия» наиболее часто обращаются в контексте, приближенном к определению «особенности жизни и быта»: так, в российских СМИ используются такие формулировки, как «реалии московской и европейской медицины» [14], «современные реалии» [15], «новые реалии» [16]. Словарное определение понятия реалии также является обобщающим и акцентирует связь этого термина с бытом и жизнью человека: «предмет, вещь, а также факт, социальный процесс, явление, существующее в реальной жизни» [91].

Несмотря на то, что проблема перевода безэквивалентной лексики являлась актуальной задолго до становления теории перевода как самостоятельной науки, в большинстве теоретических исследовательских работ по рассматриваемой нами проблематике учеными не подводятся хронологические итоги накопленного опыта по интерпретации значения понятия «реалия» и «непереводимого» в переводе, ввиду чего мы считаем нужным выделить основные этапы развития изучения реалий в переводоведении:

1. 1950–1960 гг. – в рамках зарождения теории перевода как самостоятельной дисциплины происходит становление понятия «реалия» в качестве предмета исследования. Теоретики перевода и исследователи в области лингвострановедения проводят первичное разграничение терминов «предметы–реалии» и «слова–реалии» и начинают относить реалии к национально–окрашенным языковым

единицам, обладающим культурным колоритом. У истоков определения понятия *реалия* как *выразителя культурного своеобразия и показателя культурного колорита* стоят исследователи А. В. Федоров, И. Кашкин, Г. В. Чернов, Л. Н. Соболев, В. М. Россельс. Так, в 1952 году лингвистом Л. Н. Соболевым было сформулировано следующее определение реалий: «...те слова из национального быта, которых нет на других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [17, с. 290]. Примечательно, что на данном этапе реалии в переводоведении рассматриваются исключительно в сфере художественного перевода [18]. Обобщенное для всех исследователей понимание реалии на начальном этапе становления этого термина мы можем сформулировать следующим образом: национальные слова, обороты и выражения исходного языка, имеющие культурное, бытовое или иное специфическое обозначение, не известное носителям языка перевода.

2. 1970–1980 гг. – исследователи в области языкознания определяют место реалий в пласте безэквивалентной лексики языка. В рамках лингвострановедческого подхода к теории перевода и обучению иностранным языкам в работах Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова [19], Г. Д. Томахина [20] концентрируется внимание на безэквивалентности реалий ввиду присутствия в них исторического колорита, национального окраса как основного коннотативного компонента. Таким образом, на данном этапе развития понятия «реалия» его начинают трактовать как культурно–маркированную языковую единицу. Появляется вопрос о дополнительном разграничении: выделении не только «предметов–реалий» и «слов–реалий», но и «терминов–реалий», «знаков–реалий». В связи с этим, А. В. Федоров подчеркивает, что объектом внимания переводчиков становятся *названия* реалий, а не сами реалии как культурный объект [21]. Вводятся понятия «номинация» и «денотат» референта [21, с. 206].

3. 1980–1990 гг. – в рамках формирования лингвокультурологии, полноценно оформившейся к концу XX века [п. 1.1], реалии, имеющие основой своего значения информацию о культуре носителя языка, начинают активно изучаться. В свете лингвокультурологического и лингвострановедческого подхода реалии трактуются как национальные особенности, нашедшие свое отражение в языке. В этот период следует отметить труд С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», в котором исследователи формулируют понятие реалии следующим образом: «...слова (и словосочетания) народного языка, представляющие собой наименования предметов, понятий, явлений, характерных для географической среды, культуры, материального быта или общественно–исторических особенностей народа, нации, страны, племени и являющиеся, таким образом, носителями национального, местного или исторического колорита» [13, с. 11].
4. 1990 – начало XX века – реалии попадают в сферу научных интересов более широкой области гуманитарных наук в связи с возрастающей потребностью во взаимодействии философских, исторических, культурологических и лингвистических исследований, опирающихся на анализ культурного компонента в реалиях со своих позиций.
5. Рубеж 2000–х – настоящее время. В современной лингвистике и в переводоведении вопросы о понятии и специфике реалий освещаются в работах таких исследователей, как Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни, Н. Н. Миронова, И. Н. Бугулов, М. Л. Вайсбурд, И. А. Быкова, Л. В. Малаховский, А. О. Иванов, И. С. Паревская и других. В последние годы было предложено несколько обобщающих определений понятия «реалия» в свете современного направления развития лингвокультурологического подхода к теории перевода, среди которых мы можем выделить толкование, предложенное И. С. Паревской в исследовании от 2015 года: «*Реалии* – это языковые единицы, несущие информацию о целях, интересах, особенностях образа жизни и

исторического прошлого, характерных исключительно для того или иного национально–лингвокультурного сообщества» [22, с. 153].

Среди современной зарубежной литературы по теме реалий и перевода безэквивалентной лексики с разных языков мира на английский мы отмечаем исследовательскую деятельность таких учёных, как М. Agar [23], Xiao Geng [24], Е. Nida [25], М. Konvička [25], В. Karunaratna [27], А. Kashgary [28] и других. Статьи этих авторов свидетельствуют об укреплении интереса к переводу «непереводимого» в последние годы в переводоведческом течении не только в США и Европейских странах, но и в значительном количестве Азиатских стран.

Таким образом, мы можем сделать следующий вывод: теоретические аспекты перевода реалий на настоящий момент хорошо изучены в рамках художественного перевода, так как принято считать, что особый колорит присущ прежде всего художественной литературе, и большинство исследователей на рубеже XX–XXI веков не выходили за рамки проблем художественного перевода. Однако, современное развитие лингвистического знания приводит направление лингвистической мысли к выводу, что тексты публицистического, общественно–политического, научного, а также более узкоспециальных направлений, к примеру, информативно–экскурсионного или технического характера так же ставят перед переводчиком сложную задачу, связанную с переводом безэквивалентных, «непереводимых» языковых единиц – реалий. Так, С. Влахов и С. Флорин отмечают, что в переводе нерешенным остается ряд вопросов, связанных с переводом реалий, и реалии в лингвострановедческом и лингвокультурологическом освещении входят в их число [13, с. 8]. Однако необходимость междисциплинарного подхода к переводу реалий подтверждается и исследованиями в рамках художественного перевода. Согласно Л. Н. Смирнову, «характерной чертой современного состояния разработки теоретических проблем художественного перевода являются, на наш взгляд, попытки и опыты создания переводоведческих концепций комплексного,

междисциплинарного характера» [29, с. 379]. Таким образом, на сегодняшний день концепции перевода реалий должны включать в себя не только лингвистический и литературно-эстетический, но и культурологический, коммуникативный, психологический аспекты.

1.3 Подходы к классификации реалий в современном переводоведении

На сегодняшний день «вопросы систематизации и типологии реалий во многом остаются дискуссионными», [30, с. 6] поскольку единая система классификации реалий в современной лингвистике не выработана. На наш взгляд, это связано с тем, что в течение многих периодов понятие реалии трактовалось достаточно узко [п. 1.2], а все последующие исследования основывались и основываются по сей день на классификациях 1960–90-х годов, предложенных на основании господствовавших в те периоды определений реалии. Рассмотрим некоторые из наиболее интересных «классических» типологий реалий.

Одна из первых классификаций была предложена А. Е. Супруном в статье «Экзотическая лексика» – исследователь сгруппировал реалии–экзотизмы **по семантическому принципу** [31]. Отметим, что в середине 1950-х теоретики перевода не дифференцировали понятия *реалия* и *экзотическая лексика*, поэтому актуальность этой классификации сегодня по праву может быть поставлена под сомнение, однако мы считаем необходимым привести ее в нашем исследовании для обозначения «отправной точки» в развитии подходов к классификации реалий в отечественном переводоведении.

1. Общественно–бытовые реалии: жилье, предметы одежды, быта, продукты питания, традиции и обычаи, фольклор, наименования народных инструментов, игр.

2. Этнографические реалии: названия родов и племен.

3. Мифологические реалии: духи, персонажи сказок.

4. Религиозные реалии.

5. Ономастические реалии: имена собственные.

Принимая во внимание текущее развитие понятия реалии, данная классификация сегодня не является полной, так как не включает в себя иные культурно–маркированные элементы, существующие в словарном составе

языка и подходящие под определение понятия реалии, сформированное на рубеже XX – XXI вв.

В учебном пособии А. А. Реформатского по дисциплине «Языкознание» [32] реалии группируются **по предметно-языковому принципу**:

1. Имена собственные.
2. Монеты.
3. Должности и обозначения лиц.
4. Детали костюма и украшения.
5. Кушанья и напитки.
6. Обращения и титулы при именах.

Русские национальные реалии классифицировали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [19]: советизмы; слова, относящиеся к традиционному быту; слова, относящиеся к новому быту; разговорные изречения и фразеологизмы; историзмы; слова из фольклора; антропонимы (личные имена, вызывающие определенные ассоциации у носителя русской культуры); топонимы; коннотативные слова (имеют эквивалент, но насыщены эстетическим, художественным или эмоциональным содержанием).

Наиболее полная и подробная классификация реалий принадлежит С. Влахову и С. Флорину [13] и является, на наш взгляд, классической классификацией, служащей опорой для большинства исследователей перевода реалий. Исследователи предложили детальную систему, в основе которой лежит **предметное, местное и временное** деление. Рассмотрим *предметное* деление реалий в таблице 1.

Таблица 1 – Классификация реалий по С. Влахову и С. Флорину:
предметное деление

Географические реалии
Названия объектов физической географии, в т.ч. метеорологии: <i>Эушта – Eushta</i>
Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью: <i>Особая Экономическая Зона – Special Economic Zone</i>

Продолжение таблицы 1.

Названия эндемиков: <i>выхухоль – the vyuhhol</i>				
Этнографические реалии				
Быт	Труд	Искусство и культура	Этнические объекты	Меры и деньги
Пища, напитки, одежда, жилье, транспорт.	Люди, орудия, организация, хозяйство.	Музыка, танцы, фольклор, театр, ритуалы, праздники, игры, мифы, культы, календарь, обычаи.	Этнонимы, клички.	Единицы мер, денежные единицы.
Общественно–политические реалии				
Административно–территориальное устройство	Органы и носители власти	Общественно–политическая жизнь	Военные реалии	

Примеры переводов этнографических и общественно-политических реалий с подробным комментарием приводятся в п. 2.3.4 настоящей работы.

Мы видим, что предметная классификация реалий учитывает лишь их тематическую принадлежность, не учитывая экстралингвистические факторы.

Местное деление реалий реализуется по языковому принципу: реалии рассматриваются как в плоскости одного языка, так и в плоскости языковой пары. В контексте нашей работы мы обратим внимание только на реалии в языковой паре, т.к. это является наиболее релевантным для переводческой деятельности. В контексте пары языков представим принцип деления на внутренние и внешние реалии, предложенные В.П. Берковым, исследователем исландского и норвежского языков [33]:

1. Внешние реалии, являющиеся одинаково чужими обоим языкам в паре. Так, реалия «фиорд» будет являться внешней для английского, русского и любого другого языка, кроме норвежского.

2. Внутренние реалии, принадлежащие к одному языку из пары и чужие для другого («фиорд» для норвежского языка будет являться внутренней реалией).

Последний из критериев, предложенных С. Влаховым и С. Флориным – *временной* – носит исторический характер:

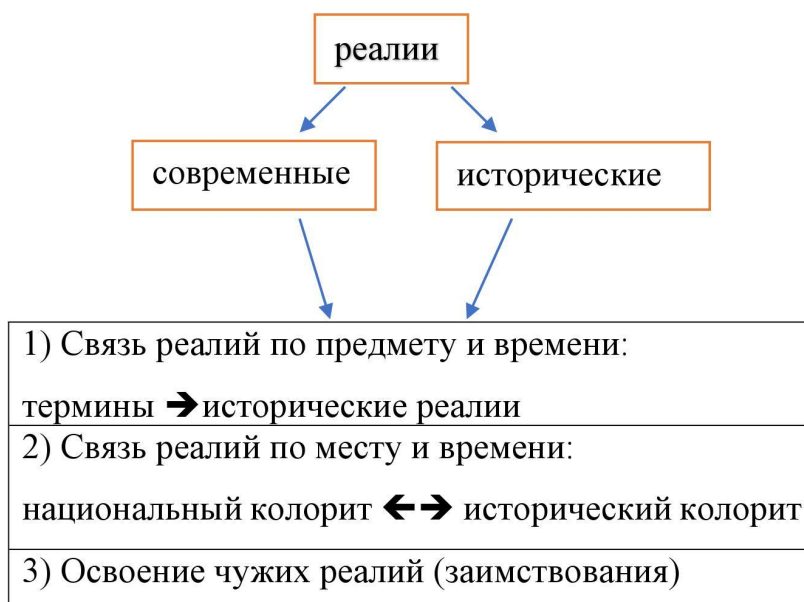

Рисунок 1 – Временное деление реалий по С. Влахову и С. Флорину.

Ю. А. Зеленкова является автором одной из последних классификаций реалий [34], сгруппированных **по тематическому принципу**:

1. Антропонимы: имена–метки, являющиеся полным семантическим несоответствием ПЯ.

2. Топонимы: города и городские объекты, улицы и районы, городские объекты и достопримечательности, страны и области, горные системы, водоёмы и прочие объекты физической географии.

3. Названия заведений, организаций, учреждений.

4. Названия справочников и периодических изданий.

Таким образом, мы видим, что современный перевод реалий так или иначе опирается на классификации, предложенные в двадцатом веке. Ученые рассматривают существующие классификации с лингвокультурологической позиции (Л. В. Мосиенко) [35], предлагают дополнения к существующим делениям, но эти дополнения основаны на классических концепциях.

Классификация, предложенная Влаховым и Флориным является, на наш взгляд, наиболее всеобъемлющей, но и она не сводит все реалии в универсальную картину. Выработка единой классификации остаётся сложной задачей, так как необходимо учитывать лингвистические (языковые) и экстралингвистические факторы (время, место), предметно-тематические и семантические различия, способ их образования или появления в языке, а также разграничивать обзор реалий в плоскости одного языка и в сравнительном анализе внутри пары языков.

1.4 Концепции перевода реалий в современной лингвистике:

относительность понятия «эквивалентность» и проблемы выбора способа перевода

Ввиду того, что мы определили реалии как культурно-маркированные элементы, входящие в состав безэквивалентной лексики, становится очевидным, что перевод таких единиц вызывает определенные трудности у переводчика. Это связано, в первую очередь, с необходимостью подобрать реалии такой эквивалент, чтобы произвести максимально точный перевод без потери культурного, исторического и национального колорита, которым данная реалия обладает в культурном аспекте языка исходного текста. Зачастую это представляется практически невозможным.

Согласно В. С. Виноградову [36], при переводе слов–реалий происходит уменьшение уровня *переводческой эквивалентности* – степени соответствия содержательной, смысловой, стилистической, функционально–коммуникативной и семантической информации оригинала и перевода. При переводе слов реалий эквивалентность воздействия оригинала и перевода на читателя может быть очень относительной, так как реалии являются наиболее яркими выразителями колорита, отсюда, их значение не может быть одинаково передано для носителей разных культур.

Однако само понятие *эквивалентности* широко обсуждается в современной лингвистике. В этой связи считаем ключевым высказывание С. Г. Тер–Минасовой: **«языковая эквивалентность – это миф»** [37, с. 59]. Действительно, эквивалентность не является для переводчика единственным ключевым параметром, ведь она означает не что иное как простую лексическую сочетаемость, не учитывая семантику, стилистику и все возможные коннотации слова. С. Г. Тер–Минасова подчеркивает, что *«культурологический аспект эквивалентности слов разных языков получает гораздо меньше внимания»* [37, с. 59], что подтверждает необходимость направления научной мысли переводчиков и лингвистов именно на

культурно–маркированные элементы языка. В процессе поиска «эквивалента» переводчик должен учитывать необходимость глубокого обращения к культуре исходного языка и языка перевода, но не сосредоточивать свое внимание на достижении этой самой «эквивалентности», которой может и не существовать вовсе для какой–либо лексической единицы в конкретной паре языков.

Рассмотрим некоторые классические приемы и способы перевода реалий. А. В. Федоров выделяет 4 способа перевода реалий [21]:

1. **Транскрипция или транслитерация:** *Воскресенская гора* – *Voskresenskaya gora*;

2. **Создание новых слов или словосочетаний.** Здесь необходимо отметить **кальку** и **полукальку** как самые распространенные приемы перевода: *Воскресенская гора* – *Resurrection Mount* (калька); *Voskresenskaya Mount* (полукалька).

3. **Уподобляющий перевод**, т.е. использование слов, обозначающее нечто близкое по значению: *дача* – *country house*, *уха* – *fish soup*.

4. **Обобщенно–приблизительный (гипо–гиперонимический, eng. *hyponimy*) перевод.** Данный прием перевода заключается в переходе от видового понятия в ИЯ к родовому понятию в ПЯ или наоборот: *шаровары* – *trousers*, *подъезд* – *entrance*, *староста* – *group leader*.

В. Н. Комиссаров [38] выделяет ещё один способ перевода реалий – **описательный (эксплицитный) перевод:** *Воскресенская гора* – *the hill where the city of Tomsk was established, now a historical site*.

С. Влахов и С. Флорин предложили следующие способы [13]:

1. Транскрипция
2. Замена реалий
3. Приблизительный перевод (родо-видовая замена, функциональный аналог)
4. Описание, объяснение, толкование (те способы, которые у Комиссарова получили название «эксплицитного» перевода).

5. Контекстуальный перевод.

Таким образом, в связи с относительностью понятия эквивалентности подобрать прием перевода для так называемой «безэквивалентной» лексики становится сложнее – учитывая необходимость приближения культурно–маркированной единицы исходного языка к культуре языка перевода вышеописанные классические способы передачи реалий оказываются недостаточно полноценными и подходят не во всех случаях. Так, транслитерация слишком условна и не информативна для носителя другого языка, так как лишает реалию ее исходного культурного компонента. Эксплицитный перевод также имеет свои недостатки – описание или толкование реалии всегда громоздко и требует вынесения в комментарий или в скобки в тексте художественной литературы, а в городском пространстве иногда не может быть реализована вообще, так как перевод *инфографики* требует исключительной краткости и информативности. Термин *инфографика* мы вводим во второй главе настоящей работы [п. 2.3].

1.5 Определение понятия «урбанистика». Актуальность междисциплинарных исследований городского пространства и кросс-культурной интеграции в нём.

Прежде чем приступить к определению понятия *урбанистика*, мы считаем целесообразным уточнить понятие *урбанизм*, так как эти термины часто ошибочно считают идентичными. *Урбанизм* – «теория и практика планировки и застройки городов» [39, с. 23]. Этот термин относится к архитектуре и градостроительству, не затрагивая иные гуманитарные дисциплины. В поле зрения нашего исследования попадает именно *урбанистика* как наука – это «комплекс дисциплин, изучающих городские территории и происходящие на них процессы» [39, с. 23].

Французский профессор Поль Клаваль формулирует в 1982 году 13 основных задач урбанистики в своем труде « *La logique des villes – Essai d'urbanologie* » [40]. Ниже приведены две из этих задач наиболее соответствующие целям и задачам нашего исследования (с переводом на русский язык полного списка задач урбанистики можно ознакомиться в статье А. А. Барабанова [39]):

- «Исследование феномена городской цивилизации (отношения гражданин – город) с учетом образа города (восприятия функциональных и художественных образов, индивидуальных и коллективных представлений); [...] индивида в городе; культурной географии городов; окружения и городской общности: социальной топографии и души городов;» [39, с. 24]
- «Исследование составляющих городских пейзажей с учетом: популярных форм и урбанистических действий (общественного [...] пространства; улицы; тенденции от урбанизма к благоустройству (благоустройство в старых городах); [...] современного урбанизма и функционализма, постмодернизма, [...] нового города и большого роста; современной практики урбанизма» [39, с. 25].

Сегодня возрастающий интерес к урбанистике в России обусловлен в частности тем, что в советскую эпоху власть считала науки об урбанистике «буржуазными, и даже объявляли их лженауками» [39, с. 23]. В последние годы феномен города изучается как целостность его многочисленных и сложных проявлений. Городское пространство как культурный концепт становится предметом научных интересов многих ученых и молодых исследователей в разных гуманитарных дисциплинах. К их числу относятся историки (И. А. Агеев [41], С. А. Баканов [42], И. Н. Стась [43]), социологи (Т. М. Дридзе [44]) и филологи, в частности Ю. М. Лотман [45] и В. Н. Топоров [46], обратившие внимание на семиотику текста городского пространства.

Философы, культурологи и теоретики эстетики также отражали в своих трудах разное видение урбанистических пространств. Так, постмодернистская теория Умберто Эко рассматривает город как некий Лабиринт, постоянно ставящий человека выбором [47]. У. Эко трактует урбанистическую среду как объемно–пространственный элемент, в котором перманентно присутствует бесчисленное множество возможных сценариев развития событий, таким образом противопоставляя «лабиринт» городского пространства классическому концепту лабиринта, имеющего лишь один выход. На основании идей французского философа и литературоведа Ролана Барта о формировании городского мифа в контексте компактной жизни в центральных частях города, высказанных в ряде его работ, посвященных семиотике и мифам [48] Джейн Джекобс и Дональд Эппльярд основали теоретическое течение *нового урбанизма* в конце 1980–х – начале 1990–х в США. Под «новым урбанизмом» (англ. *New Urbanism*) подразумевается концепция строительства компактных городов и районов города для снижения автомобильного трафика, воссоздания уютной атмосферы европейских городов и поддержания исторических традиций [49].

В отечественной культурологической традиции вопросам урбанистики посвящены работы Е. В. Николаевой [50], Т. А. Смолицкой, Т. О. Король, Е. И. Голубевой [51].

В западной научной мысли исследования урбанистики и глобализации активно обсуждаются с конца XX – начала XXI веков: город рассматривается как зеркало общества и движущая сила изменений, поднимаются вопросы значимости политического, социального, культурного и коммуникативного аспектов современной городской жизни. Так, основные тенденции урбанизации и межкультурной коммуникации в Европейском обществе являются центральной мыслью сборника научных статей *Urbanism and Globalization* [52], выпущенного в рамках серии *European City in Transition*. Однако последние тенденции урбанистики рассматривают город не только как зеркало социальных процессов, но и предлагают альтернативный подход – фокусировку на культурном своеобразии городов, построении «логики» каждого города в отдельности. Этому свидетельствуют материалы книги «Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике» [53], представляющая собой как результат междисциплинарных исследований городского пространства, где авторы вводят понятия «воображаемое города», «ландшафты знания». Исследованию урбанистического пространства во взаимодействии с медиа-дискурсом посвящена работа *Media Art and the Urban Environment* [54].

Таким образом, язык городского пространства является новой филологической, переводческой и лингвокультурологической проблемой. Зарубежные исследователи обозначили лингвистический поворот в урбанистике еще в начале XX века [55], а в России первые исследования урбанистического пространства в свете лингвистики и перевода не датируются ранее 2015 года, что свидетельствует о формирующемся интересе к рассматриваемой нами проблеме и ее актуальности. Так, перевод в урбанистическом пространстве рассматривают Л. В. Кушнина, Г. И. Голубева, Е. Н. Югова [56], а филологические и лингвокультурологические проблемы урбанистики поднимаются Е. Ю. Булыгиной и Т. А. Трипольской в работе «Язык городского пространства: словарь, карта, текст» [57]. Булыгина и Трипольская обращаются к сфере урбанистического пространства как к

сложному и многофункциональному комплексу и рассматривают такую тематическую группу реалий, как *наименования в городских пространствах*. Согласно мнению авторов, эта группа не может изучаться в изоляции: анализ языкового аспекта городской среды возможен только на пересечении ряда филологических проблем с обращением к контрастивной лексикологии с применением метода сопоставительного анализа.

Развивая этот вопрос, мы подчеркиваем необходимость отличать наименования городских пространств, схожих по семантике и не представляющих сложность для переводчика, от реалий, являющихся безэквивалентной лексикой, для которых необходимо тщательно подбирать способ перевода. Рассмотрим эту позицию на небольшом примере, который послужит преамбулой к практической части нашего исследования.

Многие наименования в урбанистическом пространстве в русском и английском языках легко соотносимы по семантике: *улица* – *street*, *проспект* – *avenue*, *переулок* – *lane*, *бульвар* – *boulevard*, *площадь* – *square*, *набережная* – *bank / embankment*, не содержат культурно-маркированного компонента, и, следовательно, реалиями не являются. Однако в элементарной переводческой паре *город* – *city* и *город* – *town* переводчику уже необходимо аккумулировать свои фоновые знания, и выбирать эквивалент, исходя из контекста – о городе каких размеров и численности населения идет речь в исходном тексте. Это не значит, что слово *город* уже является реалией – оно лишь требует контекстуального перевода на английский язык. При этом, в современной Англии существует тенденция называть все маленькие города без собора *town*, в то время как город с собором, вне зависимости от численности населения, становится *city*.

Типичное для русских городов понятие *тракт* (*Иркутский тракт*, *Московский тракт*) уже не имеет однозначного эквивалента на английском языке. В информационных изданиях и урбанистической инфографике часто переводят *тракт* как *tract*, однако мы не считаем данный вариант перевода

корректным. В *Oxford Advanced Learner's Dictionary* даются следующие определения слова *tract* [92]:

1. (biology) *a system of connected organs or tissues along which materials or messages pass;*
2. *an area of land, especially a large one;*
3. (sometimes disapproving) *a short piece of writing, especially on a religious, moral or political subject, that is intended to influence people's ideas.*

Второе из этих определений можно принять за близкое по значению к русскому *тракт*, но оно не подразумевает именно транспортный путь, в то время как русская дефиниция содержит следующее: «Тракт (нем. *Trakt*, от лат. *tractus*, буквально — волочение, течение) — в России улучшенная грунтовая дорога, соединяющая важные населённые пункты» [58]. Мы можем предположить, что перевод *тракт* — *tract* является транслитерацией, но, в таком случае, переводческое решение не является удачным, т.к. не передает исходное значение единицы языка перевода и способно ввести в заблуждение реципиента: *tract* понимается как обширная площадь земли, но не как *тракт* — широкая дорога, предназначенная для осуществления транспортной коммуникации.

С опорой на вышеупомянутые теоретические исследования мы можем сформулировать авторское определение понятия *урбанистика* — это комплексная область человеческого знания о городском пространстве, включающая множество смежных дисциплин, необходимых для осмысления и разработки современной архитектурно-пространственной и социально-культурной среды. Необходимость междисциплинарного подхода к изучению городского пространства подтверждается вышеперечисленными исследованиями, а тема текущей работы отражает одну из новейших и самых малоизученных проблем в этом контексте — вопросы *перевода в урбанистическом пространстве*.

Выводы по главе 1

Обращение к теоретическим исследованиям по теме позволяет нам сформулировать одну из важнейших задач переводчика в свете лингвокультурологического подхода к переводу: транслировать культурную информацию, содержащуюся в каждой языковой единице, на язык перевода, с минимальными потерями культурного аспекта переводимой единицы для обеспечения полноценного её восприятия реципиентом переводного текста.

Проанализировав теорию перевода реалий, мы можем сделать вывод о том, что проблемы перевода реалий как безэквивалентной лексики рассматривались исключительно в контексте художественного перевода в течение сравнительно долгого периода развития теории перевода. На сегодняшний день актуально обращение к способам перевода реалий за рамками художественного текста: в публицистике, в философских эссе, в медиа-дискурсе, и, в частности, в сфере урбанистики – новой для российской науки дисциплины, занимающейся междисциплинарным исследованием городских пространств.

Исследование существующих в переводоведении классификаций реалий привело нас к заключению, что единой классификации реалий, которая учитывала бы все лингвистические и экстралингвистические факторы, предметно-тематические и семантические различия, способ их образования или появления в языке, на сегодняшний день не было предложено. Для дальнейших теоретических исследований темы перевода реалий считаем актуальным создание единой классификации реалий, которая бы учитывала всё вышеперечисленное и разграничивала бы реалии в плоскости одного языка и в паре языков.

Итак, теоретические исследования по теме и обозначившаяся в главе относительность понятия «переводческая эквивалентность» позволяют нам сформулировать **гипотезу**: в процессе поиска «эквивалента» для культурно-исторической, этнографической или иной реалии переводчику необходимо глубоко обращаться к культуре исходного языка и к культуре языка перевода

и искать вариант перевода, *наиболее близкий исходной реалии в своем культурном аспекте*, но не сосредоточивать свое внимание на достижении абсолютной «эквивалентности» – её может не существовать для культурно-маркированной лексической единицы в паре языков. Мы считаем, что переводимую реалию необходимо **локализовать** – сохранить ее культурный аспект, но понятно передать, приблизив к реалиям языка перевода. Следовательно, переводчик не должен ограничиваться одним способом перевода реалии, а использовать все доступные ему средства с целью сближения культурных аспектов переводного и исходного текста.

Рисунок 2 – Схематическая иллюстрация гипотезы.

Следующая глава представляет практическую реализацию гипотезы.

2 Практическая реализация двуязычной репрезентации культурных аспектов реалий в городском пространстве

2.1 Перевод городских реалий в художественной литературе и публицистике: избранные выдержки из статей и произведений

Согласно **гипотезе**, сформулированной в выводах по первой главе текущей работы, выборы Вне сомнения, городские реалии как пласт лексики вне определенной сферы применения всегда обладают исключительным культурным и историческим контекстом, но в художественном тексте описания городов и урбанистических пространств служат, в первую очередь, еще и способом эстетического воздействия, своеобразным методом, погружающим читателя в атмосферу места действия. В этой части мы приведем авторскую подборку городских реалий и их переводов из художественных произведений и публицистических статей, посвященных описанию урбанистических пространств разных городов для последующего проведения анализа проблем перевода реалий в литературе и публицистике и, непосредственно, в урбанистическом пространстве.

В качестве источника из американской литературы обратимся к произведению Джека Керуака *On The Road*, повествующем о «кочевой» жизни Сэла Пэрадайза и Дина Мориарти, путешествующих по Америке и исследующих все грани жизни американского общества 50–х: культура битников, популярность джаза, открытость новому опыту. Описания урбанистических пространств Америки того времени играют значительную роль в создании атмосферы «андеграунда», а текст насыщен американизмами и реалиями, сложными для передачи на русский язык.

«There was an old rusty freighter out in the bay that was used as a *buoy*» [59, с. 65] – в переводе Виктора Когана, опубликованном издательством «Азбука–Классика», выглядит так: «В бухте стояло на якоре старое, проржавевшее грузовое судно, которое использовалось как *бакен*» [60, с. 151]. Отсутствует переводческий комментарий, сноска, эксплицитный перевод для реалии *бакен*,

используемой в русской речной терминологии, что затрудняет понимание перевода. Вполне однозначным эквивалентом *bioy* являлось бы слово *буй*, но переводчик выбирает иной, узкоспециализированный вариант, который носителю русского языка сложнее вообразить, чем *буй* или *буёк*. Так, этот перевод насыщает русский вариант текста терминологической реалией, отсутствующей в оригинале.

Перевод городских реалий-американизмов в тексте этого романа так же вызывает массу вопросов. «I began to tingle all over and to smell of the rank, hot, and rotten *jungle*, all over from hair and face to feet and toes» [59, с. 268] – реалия-американизм *jungle* многократно встречается у Керуака, и означает вовсе не «джунгли», как предложено в варианте Виктора Когана: «...я пропах удушливым, гнилостным зловонием *джунглей*». Этот вариант перевода лишает текст перевода исходной яркой культурной реалии, чуждой для русскоязычной культуры. Реалия *jungle* появилась в сленге американцев в 50-х годах и по сей день означает *криминальный район в городской среде* [93]. Перевод Когана не является ни стилистически, ни прагматически верным, так как являет собой простое калькирование без обращения к фоновым знаниям о культуре США 50-х. Нашим вариантом локализации городской реалии *jungle* является *трущобы* – вполне понятное для носителя русской культуры слово, близкое по семантике этому американизму. Авторский перевод процитированного выше предложения: «Меня начало колотить, я почувствовал спёртую, тухлую вонь прогнившей *трущобы*».

В предложении «*Hotrods blew by*» [59, с. 247] реалия *hotrod*, обозначающая американский автомобиль с большим двигателем, специально модифицированный для движения с линейной скоростью, используется для описания атмосферы городского пространства. В. Коган даёт ей перевод *форсированная колымага* [60, с. 331] – интересный вариант сочетания эксплицитного и уподобляющего перевода.

«One day I was hanging around the *campus* and Chad and Tim Gray told me Dean was staying in a cold water *pad* in *East Harlem, the Spanish Harlem*» [59, с.

3] – в переводе Когана «Однажды, околачиваясь в университетском городке, я услышал от Чеда и Тима Грэя, что Дин остановился в какой-то *халупе* без отопления в *Восточном Гарлеме — Испанском квартале*» [60, с. 14]. Городскую университетскую реалию *campus* Коган переводит фразой *университетский городок*. На наш взгляд, это удачный вариант, локализирующий реалию для постсоветского пространства – учитывая, что перевод был выполнен в 1995 году, и слово *кампус* еще не было заимствовано в русский язык, хотя сегодня оно прочно закрепилось в университетской жизни в России. *Pad* в американском английском означает «*a person's house, apartment or room*», согласно как Кембриджскому словарю [94], так и менее официальному словарю сленга Urban Dictionary [93], в то время как *халупа* – эмоционально-окрашенное, регионально обусловленное слово, носящее скорее негативную, чем нейтральную коннотацию. Перевод получается избыточным – Керуак не вкладывает негативной коннотации в описание этого жилища, ведь отсутствие горячей воды – не редкость для общества битников 50-х, а подробного описания жилища, на основании которого можно было бы сделать обратный вывод, писатель не даёт. Передать культурный аспект американизма *pad* в этом контексте мы предлагаем словом *хибара* – при такой локализации культурного аспекта для русскоязычной среды сохраняется яркая эмоциональная окраска без выраженной доли негатива.

Городская реалия Нью-Йорка – *Harlem* – один из пяти районов, традиционно переводится *Гарлем* (транскрипция + транслитерация), как имя собственное. В данном контексте мы считаем очень удачным вариант Когана, в котором переводчик вводит некоторую экспликацию в словосочетание *Spanish Harlem*, как бы объясняя русскоговорящему читателю, что Восточный Гарлем – это *квартал* или *район* в Гарлеме, в котором проживает преимущественно испаноговорящее население. Так, буквальный перевод «... в *Восточном Гарлеме, Испанском Гарлеме*» был бы с лингвокультурологической позиции менее эффективным.

Городские реалии встречаются и в публицистических статьях. В описаниях городских пространств в публицистике наиболее частым способом перевода является транскрипция и транслитерация. Русскоязычные статьи об иностранных городских пространствах насыщены переводными реалиями – так, в статье Елены Костюкович «Истории из жизни урбанистики: Лиссабон. Городское переустройство и символика власти» [61] реалии являют собой преимущественно транслитерацию португальских реалий, что привносит в публицистический текст своеобразную атмосферу португальской культуры, однако несколько затрудняет для русскоязычного обывателя восприятие облика города. Текст опубликован в Интернет-источнике и рассчитан не столько на специалистов в португальском языке и культуре, сколько на широкие массы, поэтому журналисту было необходимо избежать чрезмерного использования транслитерации созданием сносок и комментариев. Тонкости урбанистического пространства Лиссабона малоизвестны в том числе и заядлым путешественникам, поэтому вообразить полную картину описания португальских городских реалий – архитектуру, особенности строения домов, улиц и т.д. – носителю русского языка и культуры будет сложно.

Так, португальская реалья «*азулейжос*» сама по себе не значила бы для читателя ничего, поэтому автор статьи вводит подробную экспликацию: «голубые кафельные огнеупорные изразцы с кобальтовой росписью» [61] с уточнением, что слово происходит не от португальского *azul* – *голубой*, а от арабского «*блестящий*», потому что так арабы называли древнеримские и византийские мозаики. Реалия «*гайолы*», изучаемая гарвардским профессором Р. Лангебахом [61], в тексте статьи сопровождается фотографиями и пояснением – встроенные в каменную кладку деревянные эластичные клетки. Для португальских реалий – имен собственных Е. Костюкович выбирает транскрипцию с эксплицитным переводом: «*Эстадо Ново*» (*Новое государство*)).

В описаниях урбанистических пространств также часто фигурируют наименования архитектурных стилей и периодов: например, «*В совершенно*

другой, построенной в XX веке, части города (в период «бель эпок») даже сегодня действует (может, негласный?) запрет на цветочки и кадки». Период *бель эпок*, как его транслитерирует с французского языка автор статьи, имеет в русском языке и культуре устоявшийся перевод «Прекрасная эпоха» – его использование приблизило бы исходную французскую реалию к русскоязычной культуре.

Утверждая, что городское пространство носит не только инженерную, но и социально–идейную часть, Е. Костюкович приводит в качестве примера «обязательные» для португальской урбанистики названия улиц на русском языке: *улицы Ремесленников, Горшечников, Сапожников, Серебряников, Золотильщиков*. Эти наименования улиц на португальском языке носят прямую связь с занятостью проживающих на них людей, так исторически сложилось со средних веков. Рассмотрим иные варианты передачи этих реалий:

1) оставить оригинальные названия на португальском языке, например, *Da Prata, Dos Sapateiros, Do Ouro*;

2) сохранить оригинальные названия на португальском языке с введением эксплицитного перевода, например, *Da Prata (улица Серебряников), Dos Sapateiros (улица Сапожников), Do Ouro (улица Золотильщиков)*;

3) применить транслитерацию на русский язык, например, *улица Да Пра́та, улица Дос Сапате́йрос, улица До Оуро*.

Первый и третий вариант мы рассматриваем как наименее удачное переводческое решение с лингвокультурологической позиции: передача культурно–исторического аспекта реалий не происходит, прагматическая цель перевода не достигается. Второй вариант универсален – сохраняется исходная реалия и дается ее перевод на русский язык. Мы видим, что такой вариант более громоздкий, чем остальные и чем оригинальный вариант, использованный автором статьи, однако он наиболее успешен с позиции достижения *культурной эквивалентности* при сохранении реалии на исходном языке. Сфера публицистики редко ограничивает автора статьи или перевода в

количестве символов (в отличие от узкоограниченного информативного городского пространства, с примерами которого можно ознакомиться в п. 2.3), поэтому автор может использовать расширенные варианты перевода с целью наиболее полного сохранения культурного аспекта.

Возвращаясь к работе с двуязычной репрезентацией реалий в паре *английский язык ⇔ русский язык*, обратимся к материалам второй статьи того же автора: «Истории из жизни урбанистики: Нью-Йорк» [62]. Известно, что многие улицы Нью-Йорка, особенно Манхеттена, нумеруются, а кроме цифр, их названия носят так же и направление, например, *West 47th Street* (сокращение на картах и в инфографике *W 47th St*), что Е. Костюкович передает как «*сорок седьмая West*» – перевод цифрированного обозначения с сохранением оригинального наименования направления. Можно было быть дать полный перевод, например, *Западная сорок седьмая*, тем самым несколько приблизить к русской культуре американскую традицию наименования улиц. «...на сорок седьмой *West* раскинулся алмазный дистрикт...» – речь идет о реалии *Diamond district*, для которой далее автор дает пояснение: «*Это три тысячи отдельных фирм и фирмочек, где продают и покупают девять из каждой десятки бриллиантов в США на 400 миллионов долларов в день*». Городское наименование *district* не является реалией, так как легко семантически соотносимо с русским *округ*, и его следовало бы перевести, а не транслитерировать, а вот словосочетание *Diamond District* уже является урбанистической реалией, и ее перевод требует лингвокультурологического подхода. Варианты перевода: а) алмазный дистрикт (Е. Костюкович); б) бриллиантовый округ (полное калькирование); в) *Diamond District* – бриллиантовый округ (сохранение исходной реалии с калькированием). На наш взгляд, вариант в) наиболее полно отвечает задачам передачи культурного аспекта данной реалии в этом контексте.

На *Кони-Айленде* (транслитерация) в Нью-Йорке появилась городская реалия *Luna-Park* – *Луна-Парк*, место, в котором впервые появился хот-дог. Передача реалии *хот-дог* словосочетанием *сосиска в тесте* – лишь попытка

перенести образ традиционного американского фаст-фуда, стиля быстрого питания, в русскую культуру. В этом случае в современном русском языке допускается заимствование: «Хот-доги родом из киоска Натана, Кони-Айленд, угол Серф- и Стиллуэлл-авеню». Это предложение насыщено пятью реалиями, из которых три представляют собой городские наименования. На наш взгляд, необходимо создание сносков, поясняющих, что *Серф- и Стиллуэлл-авеню* – названия *проспектов*, так как английское *avenue* традиционно соотносится с русским *проспект*. Однако вариант полной локализации при использовании калькирования и транслитерации – «проспекты Серф и Стиллуэлл» – представляется избыточным. При этом, важно отметить, что при переводе городских реалий *проспект Ленина, Комсомольский проспект* с русского языка на английский, *проспект* переводится как *avenue*, но не транслитерируется словом *prospect*. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что при переводе с английского языка на русский городские наименования легче поддаются транслитерации, и, в целом, более привычно выглядят, чем при переводе с русского языка на английский, а в некоторых случаях даже становятся в ряд заимствований. Транслитерацию *prospekt* мы вообще не встречаем в урбанистической среде и медиа-дискурсе, в то время как транслитерация *авеню* для того же самого семантического наименования используется широко: *Колфакс-авеню, Третья авеню, Седьмая авеню, Сентрал-авеню*.

Отмечается общая непоследовательность в выборе способа передачи реалий – названий архитектурных объектов городской среды:

1) некоторые из таких реалий передаются полной транслитерацией: *Эмпайр Стейт Билдинг, Метрополитен-лайф-тауэр, Пен-стейшн*;

2) в этом же тексте встречается полное отсутствие перевода, автор сохраняет реалию оригинала: *Cunard Building*;

3) далее – калькирование с транслитерацией: *Башня Лэттинг*.

Мы можем предположить, что такой разброс в выборе средств перевода обусловлен желанием автора статьи сохранить атмосферу Нью-Йорка и не

перенасыщать текст переводными реалиями, но во вариантах из №1 – *тауэр* и *стейшн* – наблюдается избыточное использование калькирования, в то время как *tower* вполне соответствует русскому *башня*, а *стейшн* – русскому *станция*. Вновь подчеркивается необходимость разграничивать сферу приложения перевода: в публицистической статье допустима транслитерация *Пен-стейшн*, хотя она и не передает того, какой за данным «номинантом» стоит «референт» – один из крупнейших железнодорожных вокзалов Манхэттена (после *Grand Central*), откуда отправляются электрички и поезда в международный аэропорт JFK и в другие штаты. В то же время, в урбанистическом пространстве при создании двуязычной англо-русской инфографики таким способом перевода обойтись было бы нельзя ввиду его крайней не-информативности и несостоятельности. Указать представителю русскоязычной культуры в путеводителе или в урбанистической инфографике на локацию железнодорожной станции «*Пен-стейшн*» полной транслитерацией с английского языка, без перевода, объясняющего, что это *станция*, не представляется полезным.

Продолжая тему реалий в крупнейших мировых урбанистических пространствах, обратимся к описаниям Рима из романа Э. Гилберт «Eat, Pray, Love» [63] и их переводу, выполненному Ю. Ю. Змеевой в 2008 году [64]. Рассматриваемый нами художественный текст насыщен эпитетами, описательными образами, передающими атмосферу и обаяние Рима, что существенно отличает его эмоциональную и стилистическую окраску от «сухой» информационной городской среды. Э. Гилберт описывает Рим как “*completely unfazed, [...] grounded, rounded, amused, monumental, held securely in the palm of history*” [63, с. 76], что получает следующий перевод: «абсолютно невозмутимый, [...] целостный, крепко стоящий на ногах, удивленно вззирающий на мир с монументальной высоты, понимающий, что история надежно укрывает его своей сенью.» [64, с. 85] Русский перевод этих эпитетов и метафор очень вольный, но не лишен изящества, и мы считаем это удачным вариантом.

В зарубежной урбанистической среде зачастую встречается понятие *neighborhood* – реалия, обозначающая местность по соседству и включающая в себя как самих соседей и их дома, так и инфраструктуру района, однозначный эквивалент для которой отсутствует в русском языке. Перевод на русский язык словосочетанием *соседний район* считаем ошибочным – *соседний* используется в значении *примыкающий, смежный, следующий*. Таким образом, перевод этой городской реалии всегда должен быть контекстуальным, то есть подразумевать использование всех необходимых модификаций в зависимости от контекста:

i) если под словом *neighborhood* подразумеваются люди–соседи, то можно использовать:

- экспликацию: *живущий по соседству*,
- уподобляющий перевод: *рядом, рядышком*,
- вариант Ю. Змеевой: *среди моих соседей*.

ii) если подразумевается сама местность, например, “... *Trastevere – the neighborhood that claims to be inhabited by the truest Romans*”, Ю. Змеева использует обобщенно-приблизительный перевод *квартал*.

Римские реалии “*The English Ghetto*”, “*old Jewish ghetto*” получают полное калькирование – *английское гетто; старинное еврейское гетто*. Некоторые реалии–наименования архитектурных сооружений Ю. Змеева переводит транскрипцией:

- *Palazzo Borghese* – *палаццо Боргезе* (итальянское *palazzo* соответствует русскому *дворец* и может быть переведено, хотя в русскоязычной практике с XIX века принимается вариант *палаццо Боргезе*, передающий колорит исходного обозначения),
- *The Piazza Navona* – *пьяцца Навона* (итальянское *piazza* соответствует русскому *площадь* и может быть переведено, но соблюдается та же традиция, что в вышеприведенном примере),
- *The Pantheon* – *Пантеон*.

При этом, для иных реалий выбирается калькирование с транслитерацией: *A Temple of Aesculapius* – храм Эскулапа. Принцип выбора способа перевода остается не ясным. Успешной считаем реалии *The Augusteum* – мавзолей Августа – переводчику удалось локализовать реалию, избежав транслитерации.

Переходя к другим стилям письменной речи, в которых могут встречаться городские реалии, процитируем философское эссе Вальтера Беньямина о Париже: «These master-builders fashioned supports in the style of the Pompeian column, factories in the style of dwelling-houses, just as later the first railway stations were modelled on *chalets*» [65, с. 78]. В переводе С. А. Ромашко «Эти архитекторы придавали опорным балкам вид помпеевых колонн, а фабричным зданиям — вид жилых домов, подобно тому как позднее первые вокзалы повторяли *загородные домики в швейцарском стиле*» реалия *chalets* передается как «загородные домики в швейцарском стиле», однако на наш взгляд можно было бы транслитерировать реалию *шале* и добавить переводческую сноску или комментарий, поясняющую, что это «загородные домики в швейцарском стиле», чтобы не нагромождать перевод экспликацией, а вынести ее за текст перевода.

2.2 Культурный аспект перевода городских реалий Томска в медиа-дискурсе: актуальность проблемы для иностранных гостей города, результаты исследования

Для проведения анализа двуязычной репрезентации реалий в урбанистической среде в дальнейшей части работы будут использованы материалы реалий города Томска. Исторический город Томск привлекателен для гостей, прибывающих сюда с разными целями: для зарубежных инвесторов – это площадка для вложения средств в развитие перспективных научных направлений, для зарубежных студентов – возможность получить образование в лучших университетах страны, расположенных в первом студенческом городе за Уралом, для историков, архитекторов и туристов особое значение имеют памятники томского деревянного зодчества и городские объекты, связанные с различными религиозными направлениями. Создание адекватной двуязычной городской среды в случае Томска – необходимый этап на пути к культурному, научному, экономическому и социальному развитию города.

Необходимость и актуальность исследований городского пространства Томска подтверждается в том числе и появлением научных работ на эту тематику. Так, в 2014 году томскими учеными была опубликована статья «Городское пространство – опыт исследования» [66], в котором поднимались вопросы специфических элементов, составляющих облик города Томска (памятники городской архитектуры, атмосфера), а также изучался уровень комфортности городской среды с точки зрения томского студенчества. Продолжая заданную тенденцию, мы расширяем область ее распространения на лингвистические проблемы и проводим собственное исследование в рамках текущей работы, направленное на выявление проблем перевода, существующих в Томском урбанистическом пространстве.

Исследование проводилось на английском языке с использованием онлайн-платформы Google Docs [67]. Анкета для исследования в печатном виде представлена в Приложении А.

Для проведения исследования была отобрана целевая аудитория в количестве 30 человек, среди которых:

- иностранные студенты томских ВУЗов в 2017–2018 уч. гг., преимущественно ФИЯ ТГУ,
- иностранные студенты, обучавшиеся на ФИЯ ТГУ в прошлые годы,
- иностранные гости Томска, не являющиеся студентами.

Респондентами выступили представители следующих стран:

- Канада – 1 респондент;
- Эквадор – 1 респондент;
- Франция – 6 респондентов;
- США – 6 респондентов;
- Великобритания – 16 респондентов.

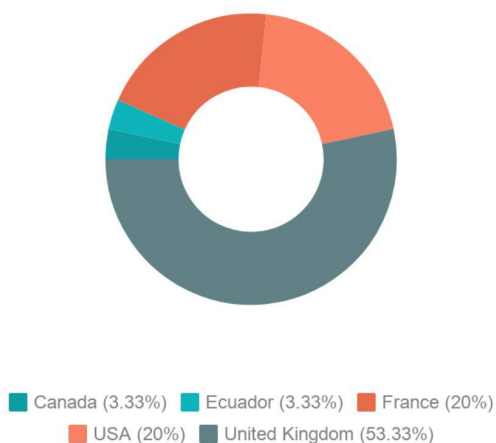

Рисунок 3 – Процентное соотношение родных стран респондентов.

С целью выявления возможных трудностей, возникающих у представителя иностранной культуры при столкновении с двуязычной городской культурой, был определен уровень владения английским и русским языком. Родной язык 64.3% участников опроса, изучающих русский язык более трёх лет – английский, 28.6% респондентов, изучающих русский язык в

течение 1–2 лет, обладают беглым разговорным английским, 7.1% респондентов изучают русский язык менее года и оценивают свой уровень владения английским языком как «средний» или ниже. 0% респондентов не изучает русский язык и не владеет английским языком. В диаграмме «Рисунок 4» представлено процентное соотношение ответов респондентов на вопросы «*Is English your means of communication?*» и «*Do you study Russian language? If yes, please mention how long you have been studying it*».

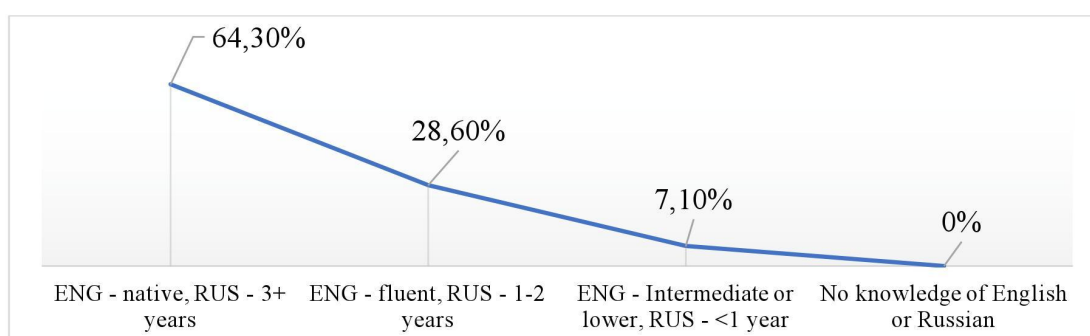

Рисунок 4 – Процентное соотношение владения английским и русским языком участниками исследования.

Перед обращением к качеству и проблемам перевода в городском пространстве Томска, респондентам было предложено по 5–балльной шкале оценить, насколько культурные аспекты жизни в посещаемой стране важны для изучения языка этой страны. По мнению 23 из 30 респондентов (76.7%), культура является необходимым элементом изучения посещаемой страны (оценка важности «5»), 7 респондентов (23.3%) считают погружение в культуру языка посещаемой страны важным, но не обязательным (оценка «4»).

Далее респондентам было предложено отметить все наиболее важные для них виды деятельности, погружающие их в культурную жизнь Томска, и добавить свои варианты по желанию. Результаты приведены в диаграмме ниже. К прочим вариантам относятся добавленные респондентами опции:

- общение с местным населением на русском языке,
- посещение традиционных русских домов.

Рисунок 5 – Процентное соотношение вовлеченности иностранных гостей в культурные аспекты жизни Томска.

Как следует из диаграммы «Рисунок 5», абсолютное большинство респондентов считает наиболее важным посещение томских музеев, исторических мест и памятников, что позволяет нам сделать вывод об актуальности этих объектов культурного значения для иностранных гостей города, что диктует необходимость наличия качественного письменного и устного перевода наименований культурно–исторических реалий на английский язык в этих местах.

Далее мы анализируем опыт опрошенных зарубежных респондентов в восприятии элементов двуязычной городской коммуникации. Среди предложенных вариантов объектов культурного значения Томска респонденты выбирали те, в которых они побывали. Значком «ENG» на диаграмме «Рисунок 6» отмечены те места, в которых респондентам была проведена экскурсия на английском языке или предоставлены двуязычные информационные материалы.

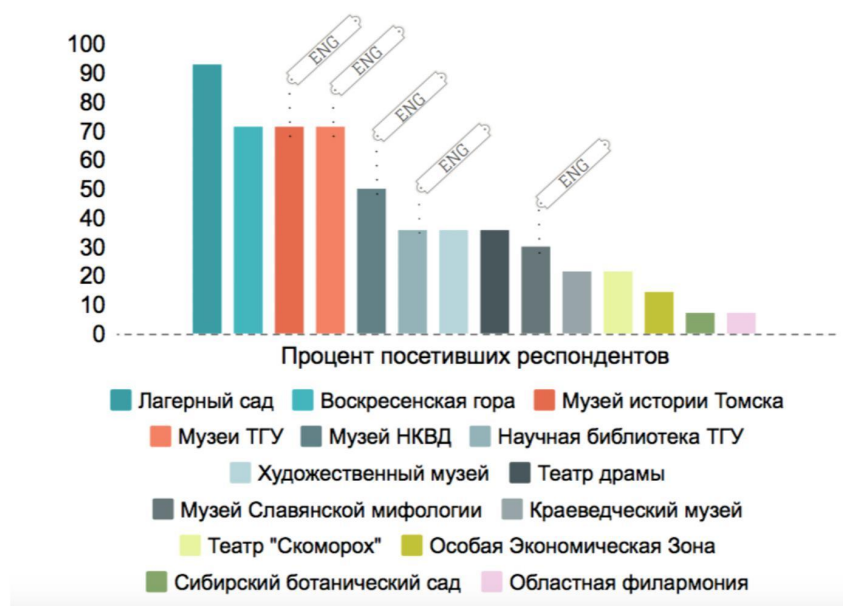

Рисунок 6 – Объекты культуры Томска, посещаемые респондентами, с указанием тех, в которых доступна передача культурной информации на английском языке.

Из диаграммы «Рисунок 6» следует, что перевод на английский язык в формате устных экскурсий или печатных информационных материалов присутствует лишь в 36% посещаемых иностранными гостями исторических и культурных объектов Томска. На наш взгляд, современные темпы глобализации диктуют необходимость увеличения этого показателя, так как наличие англоговорящего гида, способного передать культурные аспекты при переводе, показывает уровень готовности места к принятию иностранных гостей, а, следовательно, и к развитию внутренней инфраструктуры города и значимости культурных объектов на внешнем уровне – области, страны, глобального мирового сообщества.

Однако факт наличия перевода на английский язык не гарантирует адекватную передачу культурно-маркированной информации. Наши респонденты оценили качество перевода по предложенным критериям. Проанализированные результаты, переведенные на русский язык, представлены в диаграмме «Рисунок 7» ниже. Для десяти из тридцати респондентов (30%) экскурсии были проведены только на русском языке без

предоставления англоязычных информационных материалов, поэтому в диаграмме «Рисунок 7» 20 респондентов принимаем за 100%.

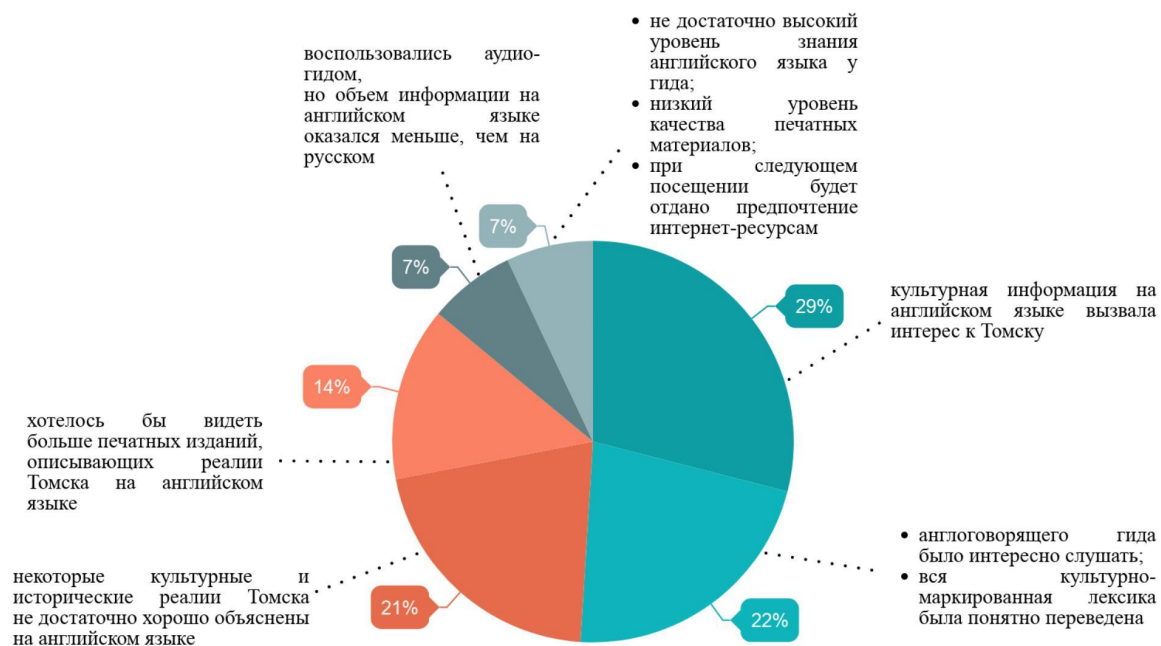

Рисунок 7 – Диаграмма детальных результатов оценки качества перевода в урбанистическом пространстве Томска с указанием количества респондентов в процентах.

Проанализировав диаграмму, мы можем сделать вывод о том, что большинство респондентов проявляют интерес к культурным объектам города, но перевод культурно-маркированной лексики в текстах экскурсионного формата не всегда понятен представителю иной культуры. Мы связываем это со следующими факторами: уровень знания английского языка у гида или экскурсовода; адекватность устного перевода, насыщенного культурно-историческими реалиями; качество и доступность печатного медиа-материала. Относительно низкий процент желающих пользоваться печатными изданиями о Томске закономерно обусловлен развитием интернет-индустрии, что подчеркивает необходимость создания унифицированного англоязычного медиа-текста в экскурсионном формате о Томске, к примеру, качественные англоязычные версии веб-сайтов и онлайн-карт.

Также стоит отметить, что неудовлетворенность услугами англоязычного аудиогuida, в общем, присутствует и в крупных городах мира –

так, в парижском Лувре по состоянию на август 2017 года отсутствовал аудиогид на русском языке, что подтверждает необходимость развития взаимодействия переводоведения, культурологии и урбанистики для создания доступных представителям иной культуры аудиогидов с целью укрепления международных связей и развития городской среды.

Отдельного внимания в ряду проблем перевода в урбанистическом пространстве заслуживает двуязычная навигация на улицах города, а также в зданиях университетов, научных библиотек и иных культурных учреждений. По данным исследования, 20% респондентов ежедневно обращают внимание на двуязычную навигацию, 27% считают её важной, но реже пользуются этими системами, 40% опрошенных редко пользуются билингвальной навигацией, и лишь 13% никогда в ней не нуждаются. В последние годы на центральных улицах Томска стали чаще появляться объекты двуязычной инфографики, среди которых:

- большинство являет собой полную транслитерацию с потерей культурной информации исходной реалии: *Библиотека ТГУ – Biblioteka TGU, Ново–соборная площадь – Novo–sobornaya pl.*, вместо использования полного перевода (*TSU Library, Novo–sobornaya square*);
- частичное калькирование с элементами транслитерации: *Храм Святого Александра Невского – St. Alexander Nevsky Cathedral*;
- полная транслитерация с экспликацией: *Городской сад – Gorodskoi Sad (City Park)*;
- подробные элементы уличной двуязычной инфографики, предоставляющие собой небольшой информационный текст о культурно–историческом объекте на русском и английском языках (Рисунок 8).

Рисунок 8 – Пример информационного текста в элементе городской двуязычной инфографики с переводом адреса, не соответствующим правилам передачи адреса с русского языка на английский. Фамилия в наименовании улицы склоняется только по правилам русского языка (*улица Герцена*), в английском языке склонение должно опускаться – *Hertsen St.*

Согласно данным исследования, если элемент двуязычной урбанистической навигации представляет собой полную транслитерацию без пояснения, короткой экспликации или сопроводительного информационного текста, то 55% опрошенных зарубежных гостей не воспринимают культурно-маркированную информацию – попытка администрации города создать билингвальную урбанистическую среду оборачивается для иностранца пустым набором символов на латинице. 45% респондентов понимают такую навигацию благодаря тому, что умеют достаточно хорошо читать на русском языке.

На финальном этапе исследования респондентом было предложено по пятибалльной шкале оценить общее качество перевода в Томске, учитывая:

- устный перевод культурно-маркированной информации на экскурсиях,
- устный перевод на семинарах и конференциях,
- перевод двуязычных систем навигации в городском пространстве и в посещаемых культурных учреждениях,
- перевод в печатном и онлайн- медиа-дискурсе о Томске,

- перевод в общежитиях, кафе и иных учреждениях развлекательной инфраструктуры.

Результаты оценки представлены в диаграмме ниже.

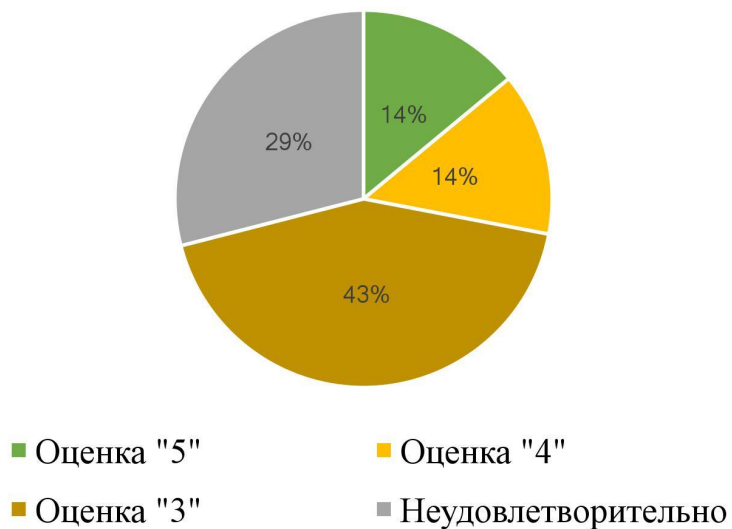

Рисунок 9 – Диаграмма итоговой оценки качества перевод респондентами исследования.

Таким образом, результат финальной оценки показывает, что качество перевода и последовательность переводческих решений в урбанистическом медиа–дискурсе, в устных и письменных текстах экскурсионного формата и в двуязычной инфографике вызывают ряд лингвистических вопросов, подробно рассматриваемых в п. 2.3 настоящей работы.

2.3 Перевод реалий Томска в свете урбанистики

В пп. 2.3.1 – 2.3.4 мы подробно рассмотрим варианты перевода культурно-исторических, религиозно-маркированных реалий, реалий в деревянном зодчестве, а также этнографических и общественно–политических реалий Томска на материалах медиа–дискурса:

- i) в текстах информационных изданий экскурсионного и обзорного формата;
- ii) в городской инфографике.

Инфографика (в урбанистическом пространстве) – элементы визуальной коммуникации и маркировки объектов (баннеры, стенды, информационные таблички, указатели, брошюры, буклеты) [68].

Рисунок 10

Рисунок 11

Рисунок 10, Рисунок 11 – Примеры двуязычной инфографики в Томске (информационные указатели).

Перед переходом к анализу англоязычных версий перевода реалий Томска, следует упомянуть франкоязычные и немецкоязычные версии. Франкоязычный городской дискурс в Томске на сегодняшний день представлен недостаточно. По материалам веб-сайта *tomsk.rouget.org* [69] можно составить достаточно подробное представление о реалиях Томска в

переводе на французский язык: *Воскресенская гора – la colline de la Résurrection*, *Музей Истории Томска – Musée d'histoire de la ville*, *Краеведческий Музей – Musée régional*, *Лагерный сад – Laguerny sad*, и т.д., хотя некоторые варианты перевода, как последний из примеров, ограничиваются транслитерацией и не передают культурный аспект переводимой реалии.

На немецком языке материалов несколько больше: мы связываем это с более прочными связями Томска и Германии, укрепившимися в рамках Российско–германских межгосударственных консультаций в 2006 году, материалам которых посвящена полноформатная двуязычная книга [70]. Иллюстрированный путеводитель по Томску полностью на немецком языке [71] был представлен в 2011 году: издание включает в себя более 1000 фотографий и полноценную информацию о Томске от легенд, мифов и исторических фактов до путеводителя по современному городу. Остальные печатные путеводители по Томску, включающие перевод на немецкий, предлагают сразу три языка: русский, английский и немецкий. Перевод выполнен либо при использовании метода параллельного чтения, либо в формате оформленных в дизайн страницы вставок на языке перевода [72, 73]. В этой связи, в перспективе дальнейших исследований двуязычной репрезентации реалий в сфере урбанистики на материалах реалий Томска считаем актуальным анализ немецкоязычного городского медиа-дискурса и развитие франкоязычного.

2.3.1 Перевод культурно-исторических реалий

Ориентируясь на опыт теоретических исследований по переводу реалий, считаем необходимым, в первую очередь, определить типы культурно-исторических и религиозно-маркированных реалий города Томска согласно наиболее полной из освященных нами в п. 1.4 классификаций реалий, принадлежащей С. Влахову и С. Флорину.

По принципу предметного деления выделяем географические, этнографические, общественно–политические реалии (административно–территориальное устройство).

По принципу местного деления, согласно специфике проводимого анализа – в рамках пары языков, все реалии являются внутренними для русского языка и внешними для английского.

По принципу временного деления все реалии в данном подпункте будут являться историческими, связанными по предмету и времени и по месту и времени.

Первыми к рассмотрению нами предлагаются исторические реалии Томска, связанные, преимущественно, с историей создания города со дня его основания. Ключевой культурно–исторической реальией, с которой начинается история Томска с 1604 г., является **Воскресенская гора**. Важно учитывать, что *гора* реальией не является, и вне контекста имеет стандартный перевод – *mountain*. Свой колорит реальия приобретает только тогда, когда являет собой наименование культурно-исторического объекта городской среды.

i) Путеводитель по Томску от 2008 г. [74], где перевод на английский язык составлен при использовании метода параллельного чтения (русский и английский тексты располагаются на страницах путеводителя в две колонки), использует перевод ***Voskresenskaya mount*** [74, с. 7]. Этот перевод выполнен при помощи двух способов: *транслитерация* (Воскресенская – *Voskresenskaya*) и *калькирование* (гора – *mount*), что является корректным выбором, с точки зрения теории использования способов перевода безэквивалентной лексики. Согласно Оксфордскому словарю [92], в

современном английском языке следует использовать существительное *mount* (*Saint Michael's Mount*) только в наименованиях мест. Кроме того, допустимо сокращение *Mt*: *Mt Kilimanjaro*.

Однако, с прагматической точки зрения, при таком переводе культурно–историческая реалья теряет свой исторический колорит – *Воскресенская* гора получила своё название от первой воздвигнутой здесь в 1622 г. деревянной церкви во имя *Воскресения* Христова [75]. При транслитерации происходит потеря этой информации; отмечается отсутствие передачи особенностей религиозного и исторического контекста реалии.

ii) Далее в этом же источнике предлагается иной вариант – ***Ressurrection Hill*** [74, с. 7]. Этот способ перевода мы можем охарактеризовать как *калькирование* (*Воскресенская* – *Ressurrection*) с *лексической заменой* (гора – *Hill*). Калькирование, с позиции прагматики перевода, нам представляется более удачным способом, так как благодаря ему сохраняется исторический и религиозный колорит, и реципиент перевода оказывается глубже погружен в понимание культурного контекста. Замена *гора* – *Hill* (рус.: *холм*) здесь произведена по причине, вероятнее всего, высоты горы – подняться на *Воскресенскую* гору можно всего за 10 минут ходьбы в среднем темпе. Однако, данный перевод был бы более уместен, если бы и в ИЯ данная реалья носила значение «холм», а не «гора». На наш взгляд, данная замена не является обязательной и, для сохранения колорита реалии в ИЯ, наилучшим способом перевода был бы вышеупомянутый вариант для перевода таких реалий в наименованиях мест: «гора – *mount*». Несмотря на это, именно вариант *Hill* используется в урбанистической инфографике по месту расположения этой достопримечательности.

iii) ***Voskresenskaya (Ressurrection) Mount*** [74, с. 38] – перевод Литвиновой Т. Д. сочетает в себе *транслитерацию* и *калькирование* и представляется автору наиболее удачным решением для данной реалии. Транслитерация соответствует основному принципу перевода имен

собственных как безэквивалентной лексики, а калькирование поясняет религиозную и культурную составляющую реалии без потери колорита.

Ниже в этом же источнике при указании географической локации музея истории Томска – единый вариант перевода *Tomsk History Museum* [74, с. 203; 72, с. 39] – фраза на Воскресенской горе переводится описательно: ***on the site where Tomsk was founded*** [72, с. 39]. Мы считаем оптимальным такой перевод при составлении географического описания городского пространства, так как указывается референт – локация, но опускается номинант – само наименование реалии.

iii) *Voskresenskaya hill* [73, с. 86; 77, с. 48]; *Woskresenskaya hill* [76, с. 37] – комбинация вышеупомянутых неудачных переводческих решений (транслитерация + неверная лексическая замена), во втором случае с ошибочной транслитерацией.

С целью передачи культурного аспекта перевода в рамках устного перевода или менее ограниченного информационным полем урбанистики публицистических статей о Томске можно использовать развернутый вариант локализации: *Voskresenskaya (Ressurrection) Mount is the site where Tomsk was founded*.

На Воскресенской горе располагается Музей истории Томска (*Tomsk History Museum*) [74, с. 203] и камень основания Томска (*the stone celebrating the foundation of Tomsk*) [74 с. 203]. Несмотря на кажущуюся избыточность этого перевода, обозначившуюся в связи с двукратным употреблением в оригинальной фразе существительных в род. падеже, он является прагматически корректным. В урбанистической инфографике использован перевод «*the Stone of the Foundation*» – перевод корректный, но не указывает, основанию чего посвящен камень.

Там же располагается восстановленный по макету XVII века фрагмент деревянной крепости, служившей для обороны города, носящей название *острог*. Для этой культурно-исторической реалии Т. Д. Литвинова использует уподобляющий перевод с поясняющей транслитерацией в скобках: *fort*

(«*ostrog*») [72, с. 29], а в третьем и пятом изданиях путеводителей по Томску [74, с.6; 76, с.6] используется только уподобляющий перевод *fortress* (рус.: крепость), без сохранения звучания исходной реалии.

Некоторые реалии среди наименований архитектурных сооружений и памятников исторического и культурного значения на территории Губернаторского квартала (*The Governor's square* [74, с. 135]; *Governor's quarter* [76, с. 45]) представляют особую сложность для передачи на английский язык:

Мучной корпус, пл. Ленина, 14 – “Muchnoi” corps (Flour Storehouse). No 14 Lenin Square [72, с. 70] – комплексный перевод Т. Д. Литвиновой, включающий в себя сразу три приёма: транслитерацию, калькирование и эксплицитный перевод, в полной мере объясняющий реалию *мучной* – первоначальное предназначение этого здания. Однако, допущена опечатка в слове *corpus*, при этом мы считаем надлежащим произвести здесь замену на *building*.

Для *каменного моста* предлагаются два варианта: *Brick Bridge* [72, с.74] и *The Stone Bridge* [77, с. 4]. Следует отметить, что *brick bridge* переводится как «*кирпичный мост*», следовательно, перевод терминологически не верен.

Биржа, или Биржевой корпус на пл. Ленина, 2 тоже получает разные варианты перевода: *Commodity Exchange* [72, с.79]; *The Stock building* [76, с.53]. Применяя лингво-урбанистический подход, мы бы использовали перевод по аналогии с биржами Нью-Йорка и Лондона (*New York Stock Exchange, London Stock Exchange*) с добавлением слова *building* для обозначения самого архитектурного сооружения. Получается такой вариант перевода: *Tomsk Stock Exchange building*.

“*Славянский базар*” на пл. Ленина, 10 является, на первый взгляд, лишь наименованием ресторана, но на самом деле эта томская реалия имеет серьёзный исторический колорит – в 1888 г. именно в этом здании на Базарной площади открылась ресторация «Славянский базар», полюбившаяся писателю А.П. Чехову [74, с. 173]. Для данной реалии встречаются следующие варианты

перевода: *The «Slavyanskii Bazaar» Restaurant*. [72, с. 84] – транслитерация + калькирование, и *«Slavic Bazaar» restaurant* [74, с. 173] – полное калькирование.

Среди других важных культурно–исторических реалий Томска, часто посещаемых иностранными гостями, согласно данных нашего исследования [п. 2.2], необходимо отметить *Лагерный сад*, *Ново–соборную площадь*, *Музей истории Томска*, *Первый музей Славянской мифологии*, *Краеведческий музей*, *Художественный музей* и *музеи ТГУ*. Переводы некоторых реалий–наименований музеев относительно унифицированы и не представляют большой сложности для переводчика: *Tomsk History Museum* [74, с. 203], *First Museum of Slavic Mythology* [76, с. 63], *Art Museum* [73, с. 48], *TSU museums* [74, с. 207]. Однако в наименовании реалии *краеведческий музей* присутствует важный лингвокультурологический элемент, вопросы передачи которого вызывают у переводчиков определенные разногласия. Согласно Т. А. Бабаковой, *краеведение* – это «совокупность видов деятельности людей по познанию особенностей края (его экономики, культуры, истории и т.п.), по разработке на этой основе и осуществлению мер, направленных на прогрессивное его развитие» [78, с. 31]. Мы считаем, что перевод этой реалии в наименовании музея должен отражать сущность понятия.

Трёхязычный путеводитель даёт сжатый перевод: *Tomsk Regional Museum* [73, с. 48], который имел бы верный смысл только при использовании словосочетания *regional studies*. Вне контекста, без знания исходной реалии, *Tomsk Regional Museum* может быть переведен на русский язык как «Томский региональный / областной музей», из чего не понятно, чем этот музей занимается, и перевод в целом получается ошибочным. Другой источник использует перевод *Local Lore Museum* [72, с. 128], а пятое издание путеводителя по Томску предлагает расширенный эксплицитный перевод – *Tomsk Museum of Local Lore, History and Economy* [76, с. 64], в полной мере объясняющий реалию *краеведение*.

Переводы реалии *Лагерный сад* тоже не приведены к единому корректному варианту. Свое название Лагерный сад получил еще до Отечественной войны 1812 года: здесь были размещены летние военные лагеря томского мушкетерского полка [92]. Существующие варианты перевода на английский язык:

- Lagerny Garden [73, с. 38],
- Lagerniy Garden [76, с. 92],
- Lagernyi Garden [72, с. 178],
- в урбанистической инфографике: Lagerny Sad (Camp Garden).

Кроме внушительного разброса несоответствий в транслитерации реалии *Лагерный* и даже транслитерации реалии *сад*, которая не только лишена смысла, но и созвучна английскому прилагательному *sad* – *грустный*, ни один перевод не передает ни смысловой, ни культурно–исторической нагрузки исходной реалии. Отмечаем, что использование перевода *Garden* вполне уместно: так переводятся многие городские реалии со словом *сад*, к примеру, «Римские сады Мюррея» (Murray's Roman Gardens) [62]. На наш взгляд, для указания на локацию этого парка, следует использовать транслитерацию с калькированием *Lagerny Garden*, а для объяснения ее культурно-исторического значения использовать экспликацию в скобках: *former military camp*. Так, перевод получается насыщенным культурной информацией, не избыточным и достаточно ёмким, чтобы уместиться даже в рамки узкоограниченной информативной городской среды: *Lagerny Garden (former military camp)*.

Реалия *Ново-соборная площадь* тоже «пострадала» от отсутствия унифицированного перевода. Самый часто встречающийся вариант вполне адекватен – *Novosobornaya square* [76, с. 75; 72, с. 144], если бы не транслитерация с орфографической ошибкой. В урбанистической инфографике на автобусной остановке используется полная транслитерация *Novo-sobornaya pl.*, способная сориентировать только иностранца, немного знающего русский, который поймёт, что *pl.* – это начальное от *площадь*.

Поэтому мы считаем бессмысленным само появление этой транслитерации без калькирования *площадь – square*.

Однако ни тот, ни другой вариант перевода не объясняет значение реалии *Ново-соборная*, хотя на противоположной автобусной остановке (почему только там?) расположен элемент инфографики с подробным двуязычным рассказом об истории Ново-соборной площади: от ее прежних наименований до этимологии текущего названия.

2.3.2 Перевод реалий, связанных с деревянным зодчеством Томска

Для современного урбанистического пространства не менее важен перевод культурно–исторических реалий, связанных с *деревянным зодчеством* Томска – с конца XIX – начала XX веков и по сей день оно остаётся визитной карточкой города. *Кружевные терема*, в переводе *Wooden lace palaces* [74, с. 25], повествуют о томской земле, ее истории, обычаях и традициях предшествующих поколений. Значимость качественного перевода реалий, связанных с архитектурными традициями, подтверждается и неоднократным упоминанием деревянного зодчества Томска в англоязычных СМИ. Так, согласно данным статьи, опубликованной на портале «*Russia Beyond the Headlines*», Томская деревянная архитектура является приоритетом для всех иностранцев, желающих прочувствовать атмосферу «аристократического прошлого Сибири» [80]. Кроме того, британский книжный интернет–магазин *AbeBooks* предлагает в своём ассортименте коллекционные издания, посвященные деревянной архитектуре Томска, во многих случаях с возможностью доставки в Соединённые Штаты Америки [81]. Следовательно, вопросы сохранения и реставрации объектов культурного и исторического наследия в виде памятников деревянной архитектуры являются серьёзной урбанистической проблемой, а лингвистическое знание необходимо применить для предоставления качественного перевода на английский язык реалий, связанных с деревянным зодчеством Томска.

Приступая к переводу наименований архитектурных объектов деревянного зодчества, обозначим переводы базовых реалий, связанных с ними:

- Томское кружево: *Tomsk lace* [77, с. 34];
- деревянное кружево – *wooden laces* [77, с. 233];
- резьба – *carving* [77, с. 179];
- наличники с резьбой – *carved casing molding* [77, с. 17].

Необходимо отметить, что реалия *наличник* известна далеко не всем представителям русскоязычной культуры, особенно за пределами Восточной Сибири, где деревянное зодчество получило большее распространение. По данным контекстного словаря [95], *наличник* переводится как *architrave, frame ledge, window trim*, а вот существительное *molding* в 9 из 14 случаев употребления в разных контекстах переводится как *лишьё*. Мы предлагаем для этой реалии вариант перевода *carved architrave*.

Многие архитектурные памятники Томска являются культурно-историческими реалиями, так как имеют особенные названия, отражающие колорит сибирского народа и особенности восприятия им окружающего мира: *дом с шатром* (ул. Красноармейская 71), *терем с жар-птицами* (ул. Красноармейская, 67а), *дом с драконами* (ул. Красноармейская, 68). Один из источников во всех трёх случаях опускает перевод самой реалии, оставляя только транслитерацию и калькирование адреса (*Krasnoarmeiskaya street, 71*, *Krasnoarmeiskaya street, 67a* [74, с. 29], *Krasnoarmeiskaya street, 68* [74, с. 32]). Такой перевод указывает только локацию упоминаемой реалии, но не даёт никакой культурной информации, следовательно, прагматическая цель перевода не достигается.

Другие источники полностью транслитерируют адреса (*Krasnoarmeiskaya ul.* [80]), и такой перевод даже с целью указания локации не может считаться верным – русское городское наименование *улица* не является реалией, но легко соотносимо по семантике с английским *street* и требует перевода, иначе для иностранного гостя, кому он и предназначен, этот вариант останется непонятным.

Реалия *дом с драконами* легко переводится калькированием: *House with Dragons* [80]. Для реалии *дом с шатром*, где сегодня располагается Российско-немецкий дом, мы видим такие переводы:

- обобщенно-приблизительный перевод с орфографической ошибкой *House with Pavillion* [80] (корректное написание *pavilion*). Кроме того, опущены артикли. Стоит отметить, что *шатёр* на деревянном

здании – это декоративный элемент, а не *выставочный зал* или *торговый навильон*, что подразумевается под английским *pavilion*;

- перевод Н. Альтмаер и А. Герасимовой *The House with a Marquee* [77, с. 211], который предлагаем и мы, с опорой на контекстный словарь [95].

Терем с жар-птицами получает практически одинаковые варианты перевода – *House with “Fire-birds”* [72, с. 137] и *The House with Firebirds* [80], причем первый вариант закавычивает основную культурную реалию, что демонстрирует её переносное значение, а второй вариант корректно использует артикль перед наименованием. Из этих вариантов можно скомпоновать прагматически и лингвокультурологически корректный: *The House with «Firebirds»*.

2.3.3 Перевод религиозно–маркированных реалий

Перевод многочисленных томских религиозно–маркированных памятников культуры представляет собой отдельную область исследования, так как этот пласт безэквивалентной лексики обладает особым духовным наполнением. Проанализируем варианты перевода религиозно–маркированных реалий Томска с русского на английский язык с комментарием по способам перевода и указанием своих вариантов.

Богоявленский кафедральный собор:

1) The Cathedral of the Appearance of God [74, с. 15]: калькирование + экспликация; чрезмерное использование конструкции род. падежа *of + N*.

2) Bogoyavlenskii (Appearance of Christ) Cathedral [72, с. 48]: Транслитерация + калькирование с экспликацией – оптимальный вариант.

Богородице-Алексиевский мужской монастырь – The Mother of God Alexy Monastery [77, с. 126]. Общепринятым вариантом для религиозной реалии *Алексий* будет являться *Alexius*. Однако источник [82] использует вариант *Alexis*. Наш вариант: *The Mother of God and St. Alexius Monastery*.

Казанский собор Богородице-Алексиевского монастыря:

1) Khazan Cathedral of Monastery of **Theotoco**–St. Alexis Monastery [74, с.15]. Неверная транслитерация *Khazan*, в религиозном переводе общепринятым вариантом является *Kazan*. Отсылка к итал. варианту заимствования перевода *Богородице* – *Theotoco*, что в переводе отражается как реальия, относящаяся больше к католической, чем православной ветви христианства. Перевод не обеспечивает эквивалентную передачу православного колорита.

2) Our Lady and St. Alexey's Monastery [72, с. 61]. *Our Lady* – общепринятый для католической ветви христианской религии перевод реалии *Богоматерь*. Для православия предлагаем использовать вышеупомянутый вариант *The Mother of God*.

3) Авторский вариант: *Kazan Cathedral of the Mother of God and St. Alexius Monastery*.

Часовня Иверской Божьей Матери:

1) The Chapel of Iberian Mother of God [74, с. 17]: *Iberian* является каноническим вариантом перевода для *Иверской*.

2) Our Lady of Iversk's Chapel [72, с. 66]. В каноническом переводе религиозных объектов *of Iversk's* не является общеупотребительным для *Иверской*. Более того, аллитерация (сочетание более трех согласных подряд) делает реалию сложной для прочтения. *Our Lady* – общепринятый для католической ветви христианской религии перевод реалии *Богоматерь*. Для православия следовало бы использовать вышеупомянутый вариант *The Mother of God*.

Воскресенская церковь: Ressurrection Church [74, с. 18]; Voskresenskaya (Ressurrection) Church [72, с. 41]. Под *Воскресением* православная культура понимает *Воскресение Христово*, что необходимо отразить в переводе. Авторский вариант: *Ressurrection of Christ Church*.

Томская хоральная синагога: Tomsk Choral Synagogue [77, с. 220; 82, с. 110]. Унифицированный перевод, корректный с прагматической и лингвокультурологической точки зрения.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы Царицы Святого Розария, ошибочно, по словам одного из священников храма, используемый в текстах некоторых путеводителей по Томску как ***Римско-католическая церковь св. Розарии*** в соответствующих источниках получает соответствующих ошибочный перевод: Roman Catholic Church of St. Rosary [74, с. 19], Catholic Church the Blessed Virgin Rosary [73, с. 86]. Последний вариант некорректен и с точки зрения грамматики английского языка, отсутствуют предлоги родительного падежа. Без их использования можно обойтись только при изменении порядка слов: *Blessed Virgin Rosary Catholic Church*. Однако полностью корректный перевод этой реалии мы находим только в источнике [82, с. 103]: *Church of the Intercession of the Virgin Mary, Queen of the Holy Rosary*.

Петропавловский собор: St. Peter and Paul Cathedral [74, с. 19] – верное

калькирование; St. Peter and Paul's Cathedral [72, с. 52] – с точки зрения грамматики английского языка, в данном случае допустимо как использование, так опущение притяжательного значения, выражаемого при помощи 's. Предпочтительно опущение 's.

Лютеранская церковь Святой Марии – Lutheran Church of Virgin Mary [74, с. 21]. Калькирование + замена классического варианта перевода слова *святой* – *Holy* на каноническую для перевода религиозных реалий вариацию *Virgin*.

«Белая» мечеть; «Красная» мечеть – «White» Mosque, «Red» Mosque [74, с. 22] – калькирование.

Троицкая церковь – St. Trinity Church [72, с.57] – каноническое калькирование.

Часовня Святого Феодора Томского / Часовня Старца Фёдора Кузьмича²:

1) Chapel of St. Feodor of Tomsk [74, с. 47] – калькирование.

2) Hermet Feodor Kuzmich's Chapel [72, с. 63].

Вероятнее всего, здесь переводчик имел ввиду слово *hermit*, в переводе – *отшельник*, однако была допущена орфографическая ошибка в написании. С прагматической точки зрения, *hermit* не является наиболее точным переводом реалии *старец*. Старец – это не отшельник, а человек *святой* жизни, общающийся с мирянами, но ведущий аскетичный образ жизни, посвящая себя молитвам. С нашей точки зрения, данная неточность вызвана недостаточным фоновым знанием переводчика легенды о *Старце Фёдоре* и его значимости в истории Томска: так, к примеру, опираясь на факт возведения Старца Фёдора в ранг святых, можно было бы воспользоваться

² В различных информационных изданиях о г. Томске встречаются различные названия данной часовни. С именем старца Фёдора Кузьмича в истории Томска связано немало вопросов: согласно легенде, старец Фёдор, ведущий аскетичный образ жизни, был не кто иной, как император Александр I, который, отрекшись от престола в 1825 г., подстригся в монахи и пришёл в Томск [74, с. 46].

вышеупомянутым вариантом перевода *St. Feodor*, либо воспользоваться приемом транслитерации – *Starets* – с обязательной экспликацией.

3) Авторский вариант: *Starets St. Feodor Kuzmich Chapel*.

2.3.4 Перевод этнографических и общественно–политических реалий

К этнографическим и общественно–политическим реалиям Томска, характерным для русскоязычного общества, но отсутствующим в культуре английского языка, относятся:

- наименования органов и носителей власти,
- наименования титулов,
- элементы административно–территориального устройства.

Для анализа переводов этих реалий были выбраны три печатных медиа–материала: книга «Прогулки по знакомым местам» [72], пятое издание путеводителя по Томску [76], книга–альбом «Атмосфера Томска» [77]. Стоит отметить, что исторический текст «Томск – город на реке», написанный лауреатом премии Томской области Я. А. Яковлевым [72, с. 7-28], стилистически подобный художественному тексту на историческую тематику, получил очень сокращённый перевод на английский и немецкий языки – всего по две страницы на каждом языке. Мы связываем это с тем, что исходный текст насыщен не только всевозможными реалиями, но и фразеологизмами, цитатами и иной эмоционально–окрашенной лексикой, сложной для перевода и восприятия иностранными читателями, однако это не оправдывает такого решения издателей. Среди опущенных в переводе встречаются такие важные с лингвокультурологической позиции и сложные для передачи на иностранный язык реалии, как *«селитебная площадь»*, *Исток*, *бухарцы*, *«топтать Гурбан»*, *Притомье*, *съезжая изба*, *зелёный погреб* и другие. Эти опущения подтверждают то, что отмечают респонденты проводимого нами исследования [п. 2.2]: на английском языке зачастую предоставляется меньше культурной информации, чем на русском.

Переводы и их анализ с комментариями представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Анализ перевода этнографических и общественно–
политических реалий Томска.

Исходная реалия	Перевод	Анализ
Эуштинский князец Тоян	Eushtian minor feudal lord Toyan (a knyaz) [76, с. 6]	Применены переводческие трансформации для передачи уменьшительного суффикса <i>–ец</i> в титуле «князь» с добавочной транслитерацией для сохранения исходного колорита.
Служилые люди	1) servicemen [72, с. 29] 2) workers [76, с. 7]	1. Уподобляющий перевод, частично передающей исходный колорит: англ. <i>to serve</i> – <i>служить</i> . 2. Полная потеря исторического колорита исходной реалии – слово <i>workers</i> соотносится с русским <i>рабочие</i> , используемым в современном русском языке, и не является реалией, в то время как реалия <i>служилые люди</i> отошла к архаизмам. В переводе это не отражено.
Сибирское ханство	Siberian Khandom [72, с. 29]	В OALD [92] нет слова <i>khandom</i> , следовательно, это либо авторский неологизм, либо неверный перевод. Правильный перевод реалии <i>ханство</i> – <i>Khanate</i> .
Заозерье Нижний Елан	Zaozerye (over the lake) Lower Yelan (<i>Turkic</i> : pasture)	Мы положительно оцениваем выбор такой комбинации способов перевода: транслитерация для сохранения исходного звучания и экспликация для передачи культурного аспекта.

Продолжение таблицы 3.

Заисточье Уржатка	Zaistochye (behind the source of the river) Urzhatka (<i>Turkic</i> : confluence of two rivers) [72, с. 29]	Ещё один вариант экспликации: <i>beyond the Headstream</i> [76, с. 37], менее объемный и более ёмкий.
Сибирская губерния	Siberian province [76, с. 7] Siberian Gubernia [72, с. 29]	Мы считаем наиболее удачным совмещение обоих вариантов перевода: <i>Siberian province (Gubernia)</i> для передачи звучания исходной реалии в русском языке и частичным сохранением ее смысла, однако без передачи исторического колорита.
Уездный город	District town [76, с. 7] Gubernia town [72, с. 29]	По данным контекстного словаря [95], наиболее общеупотребимым переводом для этой реалии является <i>county town</i> , такое словосочетание есть и в OALD [92]. При этом сама реалия <i>уезд</i> переведена как <i>county</i> [76, с. 8].
Татарская слобода	the Tatar Quarter [77, с. 33]	В другом источнике [п. 2.3.1, с. 53] существительное <i>quarter</i> используется для перевода реалии «Губернаторский квартал», хотя <i>квартал</i> и <i>слобода</i> имеют разные исторические оттенки. Наш вариант: <i>Tatar settlement (Sloboda)</i> .

Таким образом, при переводе этнографических и общественно–политических реалий самой сложной задачей для переводчика является передача культурного и исторического аспекта на иностранный язык. Помимо терминологических ошибок, мы видим, что для передачи таких реалий в большинстве случаев выбираются слишком общие варианты перевода, близкие исходному слову по семантике (*workers, province, district, county, quarter*), но передающие только приблизительное значение и упускающие культурный аспект. Логично, что переводчику необходимо подчеркнуть, что *служилые люди* – историческая общественно–политическая реалья, означающая не то же самое, что современное понятие *рабочие* – а именно это наиболее часто подразумевается под словом *workers*. Следовательно, перевод реалии *служилые люди* не–реалией *workers* обобщает её значение и никак не передает ни историческое, ни культурное наполнение.

С лингвокультурологической позиции наиболее грамотным вариантом перевода таких реалий мы видим сочетание транслитерации и эксплицитного перевода в скобках или сноске (её создание зависит от формата переводимого текста).

Выводы по главе 2

Проведенный анализ позволил нам сделать вывод о том, что перевод в урбанистической среде Томска не унифицирован. *Brooklyn* – всегда *Бруклин*, и *Louvre* – везде *Лувр*, но в менее крупных городах отсутствует единообразный, канонический способ перевода. Для одной реалии в разных источниках разного формата предлагаются разные варианты перевода, вместо единственного чёткого. Этим обусловлены «вечные» вопросы студентов: «Как сказать правильно, *Lagerny Garden*? *Lagerny sad*? *Camp garden*?», ведь без лингвокультурологического подхода к переводу создать правильный вариант оказывается затруднительно.

Необходимо выработать единый подход к переводу сведений о Томске с целью понимания большим количеством иностранных гостей и студентов уникального культурного и исторического наследия города. Актуальная задача переводчиков в сфере урбанистики – помочь Томску создать унифицированную, узнаваемую двуязычную (многоязычную) среду в местах культурного, исторического и образовательного значения, посещаемых иностранными гостями, что поможет создать полную картину города в рамках глобализационных требований.

Проведенный анализ позволил нам сделать вывод о том, что информативный перевод в урбанистическом пространстве ставит перед переводчиком задачи отличные от тех, которых требует художественный перевод городских реалий. Перевод реалий в урбанистическом пространстве – это не художественный и не поэтический текст, где переводчику доступна вольность, и варианты перевода зависят только от его мастерства. Перевод урбанистических элементов вне зависимости от сферы приложения должен быть одинаковым и чётким, чтобы не вызывать вопросов ни у гидов без профессионального владения английским языком, ни у самих иностранных гостей. При этом зачастую необходимо обеспечить сохранение исходного

звучания реалии и внятную экспликацию культурно–смыслового её компонента.

Кроме проблем перевода реалий и передачи культурного аспекта, перевод, «украшающий» улицы Томска или страницы медиа–текста о городе, не всегда согласован с правилами английского языка. Нами были выявлены следующие несоответствия нормам английского языка в городской инфографике и в использованных в п. 2.3 медиа–изданиях:

1) перевод адресов с использованием родительного падежа русского языка: *Hertsena street, Lenina avenue, Kuznetsova street* и т.д., вместо верного *Hertsen street, Lenin avenue, Kuznetsov street*;

2) широкое использование сокращения *Av.* вместо общепринятого *Ave.* для перевода слова *проспект*;

3) использование не существующих в английском языке слов и понятий для перевода и без того трудных для восприятия иностранцем реалий, к примеру, *Khandom* (*ханство*, вместо *англ.: Khanate*), *district town* (*уездный город*, вместо *англ.: county town*) и т.д.;

4) допускаются орфографические ошибки: *University Grov* [Рисунок 11, с. 49]; *Tea Rout* («Чайный путь» [76, с. 24], грубейшая ошибка, так как *rout* в английском языке означает «*a situation in which somebody is defeated easily and completely in a battle or competition*» [92]);

5) допускаются ошибки в транслитерации: *Woskresenskaya; Tsah* [74, с. 6];

6) чрезмерная транслитерация даже там, где она неуместна: *ul., pl.* вместо *street* и *square*.

Кроме того, имя автора перевода не указывается ни в урбанистической инфографике, ни в печатных медиа–изданиях, используемых в работе, за исключением двух иллюстрированных книг–альбомов [72; 77]. Всё вышеперечисленное позволяет нам сделать вывод о том, что перевод зачастую не редактируется и не выверяется профессиональным переводчиком или редактором с лингвистическим образованием перед отправкой в печать

элемента городской инфографики или очередного медиа-издания. Из этого логически вытекает и низкая оценка качества перевода иностранными респондентами проводимого исследования, и отсутствие перевода на иностранный язык в 70% культурно–исторических учреждений Томска.

Кроме того, в местах, где отсутствует необходимость перевода культурно-маркированных реалий – из упомянутых в исследовании и посещаемых иностранными гостями к таковым относятся театр драмы и театр куклы и актёра «Скоморох» – считаем необходимым создание билингвальной навигации, по примеру проекта двуязычной навигационной системы в Научной библиотеке ТГУ, предложенному в 2017 году [83].

Таким образом, в связи с обозначившейся необходимостью выработки унифицированного варианта перевода реалий Томска, автором предлагается глоссарий вариантов перевода реалий, представляющих по результатам проводимого анализа наибольшую сложность при передаче их культурного аспекта. Глоссарий может быть использован авторами, редакторами и переводчиками онлайн- и печатных путеводителей по Томску, составителями онлайн- и печатных карт, гидами и экскурсоводами.

Таблица 4 – Глоссарий авторских вариантов перевода наиболее трудных для передачи реалий Томска.

Реалия	Перевод
Воскресенская гора	Voskresenskaya (Ressurrection) Mount is the site where Tomsk was founded
Острог	Fortress («ostrog»)
Губернаторский квартал	The Governor's quarter
Мучной корпус	«Muchnoi» building (Flour Storehouse)
Каменный мост	Stone Bridge
Биржа / Биржевой корпус	Tomsk Stock Exchange building.

Продолжение таблицы 4.

Краеведческий музей	Tomsk Museum of Regional Studies, Local Lore, History and Economy
Лагерный сад	Lagerny Garden (former military camp)
Ново-соборная площадь	Novo-sobornaya square («sobor» - Cathedral)
Наличники с резьбой	Carved architrave
Дом с шатром	The House with a Marquee
Терем с жар-птицами	The House with «Firebirds»
Богоявленский кафедральный собор	Bogoyavlenskii (Appearance of Christ) Cathedral
Богородице-Алексиевский мужской монастырь	The Mother of God and St. Alexius Monastery
Казанский собор Богородице-Алексиевского монастыря	Kazan Cathedral of the Mother of God and St. Alexius Monastery
Часовня Иверской Божьей Матери	Iberian Mother of God Chapel
Воскресенская церковь	Ressurrection of Christ Church
Томская хоральная синагога	Tomsk Choral Synagogue
Храм Покрова Пресвятой Богородицы Царицы Святого Розария Для инфографики: Римско-католическая церковь	Church of the Intercession of the Virgin Mary, Queen of the Holy Rosary For infographics: Roman-Catholic Church
Петропавловский собор	St. Peter and Paul Cathedral
Лютеранская церковь Святой Марии	Lutheran Church of Virgin Mary
Часовня Святого Феодора Томского / Часовня Старца Фёдора Кузьмича	Starets St. Feodor Kuzmich Chapel
Сибирское ханство	Siberian Khanate
Заозёрье	Zaozerye (over the lake)

Продолжение таблицы 4.

Нижний Елан	Lower Yelan (Turkic: pasture)
Заисточье	Zaistochye (beyond the Headstream)
Уржатка	Urzhatka (Turkic: confluence of two rivers)
Сибирская губерния	Siberian province (Gubernia)
Уездный город	county town
Татарская слобода	Tatar settlement (Sloboda).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в ходе исследования были решены следующие задачи:

1) Рассмотрены основные современные подходы к классификации реалий и обозначены способы перевода реалий в современном лингвистическом знании. С учетом лингвокультурологического подхода к переводу была сформулирована основная задача современного переводчика, работающего с реалиями: обеспечить наиболее полную передачу культурного аспекта исходной реалии, используя при этом комбинацию способов перевода для достижения близости культурных аспектов исходного и переводного элемента.

2) С опорой на теоретические исследования было сформулировано авторское определение понятия *урбанистика* – это комплексная область человеческого знания о городском пространстве, включающая множество смежных дисциплин, необходимых для осмысления и разработки современной архитектурно–пространственной и социально–культурной среды. Необходимость междисциплинарного подхода к изучению городского пространства подтверждается результатами теоретической части исследования: вопросы *перевода в урбанистическом пространстве* являются новой, малоизученной лингвистической проблемой, поскольку междисциплинарные исследования на стыке лингвистики и урбанистики в России не датируются ранее 2015 года, а зарубежные учёные уже обозначили лингвистический поворот в урбанистических исследованиях. Были выявлены особенности межкультурной коммуникации в городском пространстве, осуществляемой посредством перевода культурно-маркированных единиц:

- городская двуязычная информационная среда Томска представляет собой узкоограниченное пространство, представленное в виде элементов городской инфографики на русском и английском языках, где наиболее частыми способами перевода являются транслитерация и калькирование, однако не обеспечено общее качество такого перевода, как указано в выводах по главе 2;

- рассматриваемые в работе переводы культурно-маркированной лексики на английский язык, обнаруженные в печатных материалах медиа-дискурса о Томске, не всегда успешно передают культурный аспект исходной реалии, следовательно, цель межкультурной коммуникации не всегда достигается.

3) Проведенный в работе анализ переводов избранных выдержек из произведений J. Kerouac «On the Road», E. Gilbert «Eat, Pray, Love», B. Walter «Paris, Capital of the Nineteenth Century»; двух статей Е. Костюкович «Истории из жизни урбанистики» на русском языке; шести двуязычных печатных медиа-изданий о Томске экскурсионного и обзорного формата; элементов городской инфографики Томска приводит нас к следующим выводам:

- перевод реалий в художественном и публицистическом тексте не ограничивает переводчика в выборе средств передачи культурного аспекта реалии: переводчику доступно создание сносок, комментариев, использование расширенной экспликации в тексте перевода;

- перевод реалий в узкоограниченном урбанистическом пространстве, а также в печатном медиа-дискурсе ограничивает переводчика в объёме переводимого текста, следовательно, и в выборе способов перевода. В урбанистической инфографике переводчику недоступно создание сносок или комментариев, поясняющих смысл какого-либо безэквивалентного элемента, что мы учли при составлении глоссария реалий Томска, приведенного в выводах по главе 2;

- в проанализированных источниках из художественной и публицистической литературы тоже отмечается общая тенденция опускать разъяснения каких-либо реалий в комментариях и сносках и ограничиваться такими способами перевода, как транслитерация, калькирование, уподобляющий перевод и экспликация, что мы считаем не всегда достаточным для полноценной передачи культурного аспекта;

- переводы реалий в городской среде и разноплановом медиа-дискурсе не унифицированы, что приводит к появлению множества вариаций разной

степени адекватности, прагматической корректности и общей грамотности, в связи с чем подчеркивается практическая актуальность создания унифицированного образца перевода, который бы учитывал теоретические и лингвокультурологические аспекты, а также был бы глубоко обращен к культуре исходного языка и языка перевода. Практически реализовать этот образец перевода мы попытались в глоссарии (выводы по главе 2) и Приложении Б.

4) Актуальность заявленной темы была подтверждена исследованием, проведенным на платформе Google Docs среди 30 иностранных гостей города, прибывших из шести разных стран:

- по мнению 76.7% респондентов, культура является необходимым элементом изучения посещаемой страны,

- 86% респондентов в той или иной мере обращают внимание на двуязычную навигацию в городской среде Томска, из которых 20% пользуются ею ежедневно,

- общее качество перевода в Томске было оценено большинством респондентов (43%) на оценку «Удовлетворительно», что, в целом, мы считаем довольно низким показателем, свидетельствующим о том, что качество перевода необходимо обеспечивать профессионалами с лингвистическим образованием.

5) На основании данных исследования, подробно представленных в графиках и диаграммах в п. 2. 2 были сделаны следующие выводы:

а) Гости города широко вовлечены в культурный аспект жизни Томска: 86% опрошенных считают наиболее важным экскурсии в музеи, а также посещение исторических мест и памятников. При этом наиболее часто иностранные гости посещают Лагерный сад, Воскресенскую гору, Музей Истории Томска Музеи ТГУ;

б) Перевод на английский язык в формате устных экскурсий или печатных информационных материалов присутствует лишь в 36% посещаемых иностранными гостями исторических и культурных объектов

Томска. На наш взгляд, современные темпы глобализации диктуют необходимость увеличения этого показателя, так как наличие англоговорящего гида, способного передать культурные аспекты при переводе, показывает уровень готовности места к принятию иностранных гостей, а, следовательно, и к развитию внутренней инфраструктуры города и значимости культурных объектов на внешнем уровне – области, страны, глобального мирового сообщества.

Исследуемый фактор межкультурной коммуникации, по мнению лишь 26% респондентов, реализован успешно – все культурные реалии переведены понятно и доступно. Остальные респонденты исследования считают, что не все культурно реалии одинаково понятно переведены, при этом отмечается, что зачастую культурной информации на английском языке предоставляется меньше, чем на русском.

Кроме того, согласно данным исследования, осуществление межкультурной коммуникации посредством уже существующих в Томске элементов двуязычной инфографики не всегда возможно: 55% опрошенных зарубежных гостей не воспринимают культурно-маркированную информацию тогда, когда она представлена исключительно транслитерацией.

б) Были предложены способы решения обозначенных проблем: разработан глоссарий авторских вариантов наиболее трудных для перевода реалий Томска (выводы по главе 2) и буклет с переводом основных реалий Томска, актуальный для иностранных студентов, гостей международных конференций и форумов.

В рамках проведенного исследования считаем возможным предложить на рассмотрение термины «*локализация реалии*» и «*лингвоурбанистика*». Термин «локализация» появился в лингвистике сравнительно недавно преимущественно под влиянием развития технического и бизнес-перевода, связанного с процессом глобализации, и изначально означал полную адаптацию продукта к условиям использования в конкретном регионе, находящемся в неразрывной связи с языком этого региона [84]. В свете

стремительной межкультурной интеграции локализация в переводе расширяет свои границы: локализация рекламы, видео-игр, мобильных приложений, фильмов и сериалов широко применяется в современной массовой культуре. Мы продолжаем тенденцию расширения понятия локализации и внедряем его как один из способов перевода реалий как культурно–маркированной лексики и применим его в сфере урбанистики в практической части исследования.

Локализацию реалии мы предлагаем рассматривать как такой приём перевода реалии, при котором не поиск эквивалента, а передача культурно–маркированного компонента реалии становится первостепенной задачей для переводчика. Для решения этой задачи переводчик может обратиться к лингвострановедческим словарям, применить фоновые знания о культуре языка перевода и применить уже известные способы перевода, но не по отдельности, а в комбинации. Выбор комбинации способов перевода для успешной локализации реалии должен быть основан на особенностях стиля исходного текста – так, цели перевода в художественной литературе и в городском пространстве отличаются, следовательно, для одной и той же реалии в зависимости от сферы применения перевода могут быть выбраны различные комбинации.

Проведенный в работе анализ позволяет нам сделать вывод о том, что такой подход к переводу реалий целесообразно применять во всех сферах приложения переводческой деятельности: как в художественном переводе, так и в урбанистическом пространстве.

«*Лингвоурбанистика*» – новое направление развития лингвистического знания, исследующего вопросы приложения лингвистического знания в городском пространстве. Результаты настоящего исследования позволяют нам сформулировать цель перевода в сфере урбанистики:

- в медиа-дискурсе и в устных текстах экскурсионного формата – доступно проинформировать носителя иноязычной культуры о реалиях с объяснением их значения,

- в городской инфографике – навигационная цель, чтобы сориентировать иностранного гостя на местности, в отдельных случаях – предоставить краткую резюмирующую культурную информацию о представляемом объекте.

Автором предлагаются следующие направления развития исследований по теме настоящей работы:

- анализ перевода реалий Томска в сфере инноваций, промышленности и производства на материалах международных форумов, таких как «Innovus»;
- анализ немецкоязычного дискурса в медиа-материалах о городском пространстве Томска;
- развитие недостаточно представленного сегодня франкоязычного дискурса в медиа-материалах о городском пространстве Томска;
- проекты создания систем двуязычной навигации в местах культурно-исторического значения по примеру системы, предложенной для библиотеки ТГУ [83].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Теля В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура : материалы II междунар. конф. 12–14 мая 1999 г.: в 3 ч. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 1999. – Ч. III. – С. 14–15.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / В. А. Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2004. – 183 с.
3. Friedrich P. Language, ideology and political economy / P. Friedrich // American antropologist. – 1989. – Vol. 91. – P. 295–312.
4. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М. : Гнозис, 2003. – 181 с.
5. Новикова Е. Г. Лингвокультурологические особенности перевода мемуаров СинФэнся «Я и Пу И» // Ученые заметки ТОГУ. – 2015. – Т. 6. – № 4. – С. 562–571.
6. Матасов Р. А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Р. А. Матасов. – М., 2009. – 21 с.
7. Герасименко И. Е. Лингвокультурология как комплексная научная парадигма. [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – Электрон. дан. – Курск, 2012. – URL: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6> (дата обращения: 17.01.2018).
8. Воробьев В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 2008. – 336 с.
9. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно–смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н. Ф. Алифиров. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 288 с.
10. Risager K. Language and Culture: Global Flows and Local Complexity / K. Risager. UK : Multilingual Matters LTD, 2006. – 211 p.

11. Головановская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка / М. К. Головановская – М. : МГУ, 1997. – 279 с.
12. Страны Соединенного Королевства: Лингвострановедческий справочник / сост. Г. Д. Томахин. – М. : Просвещение, 2001. – 78 с.
13. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – 5-е изд. – М. : Р. Валент, 2012. – 408 с.
14. Старобинец А. Посмотри на него. [Электронный ресурс] // Wonderzine. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: <http://www.wonderzine.com/wonderzine/life/experience/224202-anna-starobinets> (дата обращения: 01.02.2018).
15. В Иркутске создадут Ассоциацию молодых ученых [Электронный ресурс] // ГТРК «Иркутск». – Электрон. дан. – Иркутск, 2018. – URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2985261> (дата обращения: 01.02.2018).
16. Глава католиков Дублина: церкви надо учесть новые реалии [Электронный ресурс] // BBC Русская Служба. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2015/05/150524 (дата обращения: 01.02.2018).
17. Соболев Л. Н. О переводе образа образом // Вопросы художественного перевода. – М. : Советский писатель, 1955. – С. 290.
18. Россельс В. М. Перевод и национальное своеобразие подлинника // Вопросы художественного перевода. – М. : Международные отношения, 1955. – 467 с.
19. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Изд-во МГУ, 1973. – 233 с.
20. Томахин Г. Д. Реалии в культуре и языке. Реалия-предмет и реалия-слово // Иностранные языки в школе. – 1981. – №1. – С. 64–69.
21. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие / А. В. Федоров. – 5-е изд. – М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.

22. Паревская И. С. «Непереводимое в переводе» или к вопросу о понятии и специфике реалий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44). – В 2-х ч. – Ч. II. – С. 151–154.
23. Agar M. Language Shock: Understanding the culture of conversation / M. Agar. – [S. l.] : Harper Paperbacks, 1995. – 288 p.
24. Geng X. An Analysis of the Cultural Phenomena in English and Its Translation // Asian Social Science. – 2009. – Vol. 5, is. 12. – P. 141–144.
25. Nida E. Contexts in Translating / E. Nida. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2002. – 125 p.
26. Konvička M. Translating the untranslatable: the case of Czech–German and Czech–English code-switching // Slavia Occidentalis. – 2014. – Vol. 71, is. 1. – P. 13–25.
27. Karunarathna B. An analysis on Translating Culture Specific References in Translating a Script for Dubbing Purpose // International Journal of Multidisciplinary Studies (IJMS) . – 2015. – Vol. 2, is. 2. – P. 20–29.
28. Kashgary A. The paradox of translating the untranslatable: Equivalence vs. non-equivalence in translating from Arabic into English // Journal of King Saud University : Languages and Translation. – 2011. – Vol. 23, is. 1. – P. 47–57.
29. Смирнов Л. Н. Отражение взаимодействия культур в художественном переводе. Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / Л. Н. Смирнов. – М. : Наука, 2002. – 478 с.
30. Иванова Н. А. Сопоставительно-типологический анализ безэквивалентной лексики (на материале русского, немецкого и французского языков) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. А. Иванова. – М., 2004. – 227 с.
31. Супрун А. Е. Экзотическая лексика / Филологические науки. – 1958. – №2. – С. 50–54.
32. Реформатский А. А. Введение в языковедение. / под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

33. Берков В. П. Двухязычная лексикография / В. П. Берков. – 2-е изд. – М. : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2004. – 236 с.
34. Зеленкова Ю. А. Проблема собственных и чужих реалий в оригинале и переводе в связи с эволюцией переводческих принципов: на материале романа Б. Стокера «Дракула» и его переводов на русский язык : дисс. ... канд. ист. наук : 10. 02. 10 / Ю. А. Зеленкова. – М., 2004. – 260 с.
35. Мосиенко Л. В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий / Вестник ОГУ. – 2005. – №11. – С. 155–161.
36. Виноградов В. С. Введение в переводоведение : общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
37. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
38. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
39. Барабанов А. А. Урбанистика сегодня / Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. – 2009. – №3. – С. 22–25.
40. Claval P. La logique des villes. Essai d'urbanologie / P. Claval. – Paris : LITEC : Géographie économique et sociale. – 1982. – 633 p.
41. Агеев И. А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств / Вестник Томского государственного университета. – 2014. – №385. – С. 79–84.
42. Баканов С. А. Историческая урбанистика в России заявляет о себе. / Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2016. – №2. – С. 198–201.
43. Стась И. Н. Историческая урбанистика в Сибири / Материалы Всерос. с междунар. участием конф. «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города». Сургут, 14 ноября 2014. г. – Сургут.: ООО «Курганский Дом печати», 2015. – С. 28–46.

44. Дридзе Т. М. Градоустройство: методология исследования городского конфликта / Т. М. Дридзе, Л. М. Цой, Е. М. Акимкин // В контексте конфликтологии : диагностика и методология управления конфликтной ситуацией. – 2001. – №3. – С. 5–42.
45. Лотман М. Ю. Статьи по семиотике и топологии культуры / М. Ю. Лотман. – Таллин : Александра, 1992, – Т. 1. – 481 с.
46. Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 121–132.
47. Эко У. Имя розы / У. Эко. – пер. с итал. Е. Костюкович. – СПб. : Симпозиум, 2007. – 640 с.
48. Барт Р. Избранные работы : Семиотика : Поэтика / Барт Р. – пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
49. Craven J. An Introduction to New Urbanism and TND [Electronic resource] // ThoughtCo. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: <http://thoughtco.com/what-is-new-urbanism-177642> (access date: 07.03.2018).
50. Николаева Е. В. Фракталы городской культуры / Е. В. Николаева. – СПб. : Страта, 2014. – 264 с.
51. Смолицкая Т. А. Городской культурный ландшафт : Традиции и современные тенденции развития / Т. А. Смолицкая, Т. О. Король, Е. И. Голубева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 272 с.
52. Urbanism and Globalization : European City in Transition / ed. F. Eckardt, D. Hassenpflug. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH. – 2004. – 354 p.
53. Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике / отв. ред. Х. Беркинг, М. Лёв. – М. : Новое литературное обозрение, 2017. – 424 с.
54. Media Art and the Urban Environment /ed. F. T. Marchese. – Switzerland : Springer International Publishing, 2015. – 299 p.
55. Collins Ch. Developing a Linguistic Turn in Urban Studies : Language, Context and Political Economy // Urban Studies. – 2000. – Vol. 37, is. 11. – P. 2027–2043.

56. Кушни́на Л. В. Городское пространство в динамике переводческого пространства / Л. В. Кушни́на, Г.И. Голубева, Е. Н. Югова. // Вестник ПНИПУ : Социально-экономические науки. – 2016. – №3. – С. 115–125.
57. Булыгина Е. Ю. Язык городского пространства : словарь, карта, текст / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 240 с.
58. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] // Endic. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2015. – URL: http://endic.ru/enc_sovet (дата обращения: 01.03.2018).
59. Kerouac J. On the Road / J. Kerouac. – 1st publ. : USA : Viking Press Inc., 1957. – Reprinted : London : Penguin Classics, 2000. – 281 p.
60. Керуак Дж. В дороге / Дж. Керуак. – пер. с англ. В. Когана, 1995. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2014. — 384 с.
61. Костюкович Е. Истории из жизни урбанистики : Лиссабон. Городское переустройство и символика власти. [Электронный ресурс] // Colta. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. / URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/11577> (дата обращения: 18.01.2018).
62. Костюкович Е. Истории из жизни урбанистики : Нью-Йорк. [Электронный ресурс] // Colta. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. / URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/12185> (дата обращения: 18.01.2018).
63. Gilbert E. Eat, Pray, Love / E. Gilbert. – London : Bloomsbury, 2006. – 352 p.
64. Э. Гилберт. Есть, молиться, любить / Э. Гилберт. – пер. с англ. Ю. Ю. Змеевой. – М. : Рипол Классик, 2008. – 368 с.
65. Walter B. Paris, Capital of the Nineteenth Century // New Left Review. – 1968. – Is. I/48 – P. 77–88.
66. Сухушина Е. В. Городское пространство – опыт исследования / Е. В. Сухушина, А. Ю. Рыкун, Н. П. Погодаев // Вестник Томского

государственного университета : Философия. Социология. Политология. – 2014. – №1 (25). – С. 84-98.

67. Волошина А. Д. Cultural aspects of bilingual representation in urban area [Electronic research form] // Google Docs. – Electronic data. – Tomsk, 2018. / URL: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLScIqo2vgjFrlhdSgY5WNf8Y> (access dates: 01.04.2018–31.05.2018).

68. Никулова Г. А. Средства визуальной коммуникации – инфографика и метадизайн // Образовательные технологии и общество. – 2010. – №2. – Т. 13. – С. 369–387.

69. Rouget C. Découvrir Tomsk [Electronic resource] // – Electronic data. – Tomsk, 2009. – URL: <http://tomsk.rouget.org/fr/decouvrir.html> (access date: 13.05.2017).

70. Кречетова Н. Большой диалог в Томске : VII раунд российско-германских межгосударственных консультаций 26–27 апреля / Der Grosse Dialog in Tomsk. / Кречетова Н., Смоляк И. – Томск : Д-Принт, 2006. – 168 с.

71. Illusrierter Digest-Stadtführer : Tomsk / A. N. Iwanowa, N. A. Altmeyer [et. al.]. – Tomsk : D-Print, 2011. – 243 s.

72. ТОМСК. Прогулки по знакомым местам / W. Weilert, B. B. Савинцев. – пер. на англ. Литвиновой Т. Д. – Томск : GalaPress, 2004. – 183 с.

73. Путеводитель по Томску / Томск : DART, 2006. – 96 с.

74. ТОМСК. Путеводитель / 3-е изд. – Томск : ООО «ПолиграфСервис», 2008. – 239 с.

75. История названий томских улиц / Томск : D-Print, 2012. – 368 с.

76. Томск. Информационный каталог / 5-е изд. – Томск : ООО «ПолиграфСервис», 2010. – 199 с.

77. Атмосфера Томска / пер. на англ. Н. Альтмаер, А. Герасимова – Томск : GranDprint, 2015. – 311 с.

78. Бабакова Т. А. Теория и практика школьного экологического краеведения : дисс. ... д. п. н: 13. 00. 02 / Т. А. Бабакова. – М., 1996. – 341 с.

79. Лагерный сад [Электронный ресурс] // Блог любителей Томской природы: заметки натуралиста. – Электрон. дан. – Томск, 2012. – URL: <http://green.tsu.ru/blog/?p=114> (дата обращения: 04.05.2018).

80. Gruzdeva A. Siberian travels back in time: Tomsk's wooden architecture [Electronic resource] // Russia Beyond the Headlines. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: https://www.rbth.com/travel/2015/17/09/siberian_travels_back_in_time_tomsks_wooden_architecture (access date: 30.04.2018).

81. The Wooden Architecture of Tomsk. [Electronic resource search results] // – Electronic data. – AbeBooks. UK, 1996. – URL: www.abebooks.co.uk/book-search/title/the-wooden-architecture-of-tomsk (access date: 03.05.2017).

82. Классен Е. В. Религия и искусство в межкультурной коммуникации. / Е. В. Классен, О. В. Одегова. – Томск: Томский государственный университет, 2017. – 214 с.

83. Лагунова Ж. Создание двуязычной системы навигации для зданий библиотеки ТГУ. [Электронный ресурс] // Томский государственный университет: Вектор инициативы. – Электрон. дан. – Томск, 2018. / URL: <http://innovector.tsu.ru/initiatives/page/1378/> (дата обращения 08.04.2018).

84. Крепышева К.А. Локализация при переводе рекламных текстов / Молодая наука. – 2017. – Ч. 04. – С. 64–66.

Список использованных словарей

85. Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь Americana: English-Russian encyclopedic dictionary / под ред. и общ. рук. Г. В. Чернова / В. Н. Беляков, М. В. Васянин, О. Н. Гришина [и др.] – Смоленск : Полиграмма, 1996. – 1185 с.

86. Мальцева Д. Г. Германия: страна и язык: Лингвострановедческий словарь. / Д. Г. Мальцева. – М. : АСТ, Русские Словари, Астрель, 2001. – 416 с.

87. Муравлева Н. В. Австрия: Лингвострановедческий словарь. / Н. В. Муравлева, Е. Н. Муравлева. – М. : Русский язык – Медиа, 2003. – 656 с.
88. Николау Н. Г. Греция: Лингвострановедческий словарь. / Н. Г. Николау. – М. : Ленанд, 2017. – 296 с.
89. Франция. Большой лингвострановедческий словарь / под ред. Л. Г. Ведениной. – М. : АСТ-Пресс книга, 2008. – 976 с.
90. Томахин Г. Д. США: Лингвострановедческий словарь. / Г. Д. Томахин. – М. : Русский язык, 2000. – 576 с.
91. *Большой энциклопедический словарь* [Электронный ресурс]. // Slovononline. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2012. – URL: http://slovononline.ru/slovar_ctc (дата обращения: 02.02.2018).
92. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource] // Oxford Learner's Dictionaries. – Electronic data. – Oxford, 2012. – URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (access date: 01.02.2018).
93. Urban Dictionary [Electronic resource] // Urban Dictionary. – Electronic data. – [S. l., s. a.]. – URL: <http://www.urbandictionary.com> (access date: 11.02.2018).
94. Cambridge Dictionary [Electronic resource] // Cambridge Dictionary. – Electronic data. – Cambridge, 2018. – URL: <http://dictionary.cambridge.org> (access date: 11.02.2018).
95. Контекстный словарь [Электронный ресурс] // Reverso Context. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2018. – URL: <http://context.reverso.net> (дата обращения: 17.04.2018).

Приложение А Анкета для исследования «Cultural aspects of bilingual representation in modern urban area»

Cultural aspects of bilingual representation in urban area

Hi there! Thank you for participating in this survey, I really appreciate your time and commitment.

My name is Anastasia, I'm a 5th year student of TSU, Department of foreign languages. This year I'm writing my qualification paper on translation of cultural and historical objects in modern urban area. The practical part of my research is based on translation from Russian into English that could be found in Tomsk, my native city, and I really need your opinion on this issue. Thanks a lot again, I hope you'll enjoy this survey :)

*** Обязательно**

Адрес электронной почты *

Ваш адрес эл. почты

What country have you come from? *

Мой ответ

Is English your means of communication? *

- ☐ Yes, it is my native language
- ☐ Yes, I am a fluent English speaker, but it is not my native language
- ☐ Yes, but my level is Intermediate or lower
- ☐ No, I find it difficult to communicate in English

Do you study Russian language? If yes, please mention how long you have been studying it. *

- ☐ Yes, for more than 3 years
- ☐ Yes, for 1-2 years
- ☐ Yes, but I have just started recently
- ☐ No, I don't study Russian

How important for you is it to learn more about cultural aspects of life in the country you are visiting? *

	1	2	3	4	5	
Not important at all	☐	☐	☐	☐	☐	Very important

What helps you get to know cultural life of Tomsk better? Please, tick all variants you consider to be relevant *

- ☐ excursions to museums
- ☐ visiting sacred places (Orthodox, Catholic or Protestant churches, cathedrals, monasteries, Synagogue, mosques)
- ☐ going to cinemas and theaters to watch films and plays in Russian
- ☐ going to local bands/musicians concerts or gigs
- ☐ visiting historical places of interest
- ☐ exploring the city centre and its suburbs
- ☐ taking part in different university events (international conferences, speaking clubs, etc.)
- ☐ any other extra curriculum cultural activities (please, feel free to mention them)
- ☐ Другое: _____

Have you ever been to any of these places in Tomsk? Please, name any cultural places you've been to which are not mentioned below. *

- ☐ Voskresenskaya Mount and the Museum of the History of Tomsk
- ☐ Tomsk museum for Regional Studies (Краеведческий музей)
- ☐ TSU Scientific Research library
- ☐ TSU museums
- ☐ NKVD museum
- ☐ Art museum
- ☐ Drama theatre
- ☐ Puppet and Actor theatre named after R. Vinderman
- ☐ Laregny Garden
- ☐ Akademgorodok (Special Economic Zone)
- ☐ None of the above (please enter any other cultural places of interest you've been to in Tomsk below)

☐ Другое: _____

Where have you had excursions in English language? *

- ☐ Voskresenskaya Mount and the Museum of the History of Tomsk
- ☐ Tomsk museum for Regional Studies (Краеведческий музей)
- ☐ TSU Scientific Research library
- ☐ TSU museums
- ☐ NKVD museum
- ☐ Art museum
- ☐ Akademgorodok (Special Economic Zone)
- ☐ Nowhere of the above (please enter your variants below)

☐ Другое: _____

How do you evaluate the quality of excursions conducted in English? *

- ☐ it was interesting to listen to the guide
- ☐ I understood everything told about places of interest
- ☐ Cultural information provoked interest for the city
- ☐ I would like to find some printed editions describing Tomsk
- ☐ It was interesting, but some cultural phenomena were not explained properly
- ☐ It was not very informative, other time I would prefer to use the Internet or other sources of information
- ☐ Другое: _____

How often do you pay attention to or need bilingual street navigation, bilingual bus stop signs, translation in any other public places and the hall of residence? *

	1	2	3	4	5	
Never, I don't pay attention to them at all	☐	☐	☐	☐	☐	Almost every day

How difficult is it for you to perceive cultural information in transliteration only without any explanation given? E.g. "Biblioteka TGU", "Voskresenskaya Gora" etc.

	1	2	3	4	5	
I don't really get the point of having it, so I have to use online navigation or ask other people to help	☐	☐	☐	☐	☐	I don't need translation, because I can read and understand Russian well

And the final question! Please, rate overall quality of information that was presented for you in English in Tomsk? Please, consider excursions, printed editions, leaflets, oral translation on conferences or seminars you've attended, navigation systems, translations in cafes, halls of residence, etc. *

	1	2	3	4	5	
Poor level of translation made my cultural assimilation uncomfortable	☐	☐	☐	☐	☐	Excellent

Приложение Б Авторский краткий информационный буклет о культурно-исторических реалиях Томска на английском языке «A Condensed Travel Guide to Tomsk»

Рисунок 12 – Первый лист буклета: обложка, задняя сторона.

VOSKRESENSKAYA (RESSURECTION) MOUNT

is the site where Tomsk was founded as a fortress ("ostrog") in 1604. The attractions there include: Tomsk History Museum, Stone of the Foundation of Tomsk, the Watchtower. There is an easy access to the First Museum of Slavic Mythology by open-air stairs.

The name was given after the Resurrection of Christ Church, which was initially located there.

• NOVO-SOBORNAYA SQUARE

is one of the most popular squares in the city centre with a park, fountains and monuments: St. Tatiana monument, dedicated to students, and Wooden Ruble monument.

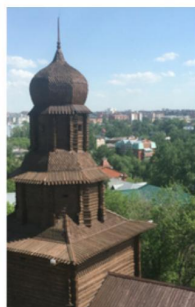
Across the road you may find the City Park and, on the other side of Lenin Ave., there is the main building of Tomsk State university of Control Systems and Radioelectronics.

The square got its name after the Trinity Cathedral (rus.: Sobor), which was destroyed in 1934, and the square was renamed to Revolution square. In 1997 the name was given its former name with prefix Novo-.

WOODEN LACES

Tomsk wooden architecture has always been one of its most appealing landmarks. This unique heritage includes dwelling houses and cultural entities:

- House with Marquee (71 Krasnoarmeyskaya st.), now the Russian-German house.
- House with "Firebirds" (67a Krasnoarmeyskaya st.)
- House with Dragons (68 Krasnoarmeyskaya st.)
- Many houses on Gagarin, Belinsky, Kuznetsov streets.

LAGERNY GARDEN

is a former military camp territory, now a city park in memory of the Great Patriotic War soldiers. There is a spectacular view on the river Tom from its bank.

• MUSEUMS

If you want to explore more about the city, you are welcome in: Tomsk Regional Studies museum of Local Lore, History and Economy, Tomsk Wooden Architecture Museum, Tomsk Art Museum, TSU Museums, NKVD Museum, Tomsk History Museum and the First Museum of Slavic Mythology.

...MORE TO EXPLORE

As far as Tomsk is considered to be the city of students, so called Siberian Athens, you may want to visit its 7 universities, including Tomsk State University, the first university in Siberia. The territory of university is surrounded by a grove, and you may also visit Siberian Botanical Garden there.

Religious places of interests are not limited by many gorgeous orthodox churches, chapels and cathedrals. There are also Tomsk Choral Synagogue, Roman-Catholic Church, Lutheran Church of Virgin Mary, Red and White Mosques.

The main religious landmark is considered to be Starets St. Feodor Kuzmich Chapel. According to the legend, St. Feodor is believed to be the emperor Alexander I, who denounced the throne in 1825, became a monk and came to Tomsk to heal people and help them.

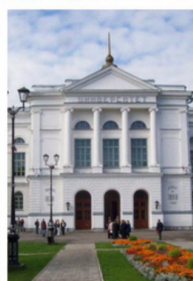

Рисунок 13 – Второй лист буклета: внутренняя сторона.

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: Voloshina Anastasia (jailbait316@gmail.com / ID: 5895180)

Проверяющий: Voloshina Anastasia (jailbait316@gmail.com / ID: 5895180)

Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- <http://www.antiplagiat.ru>

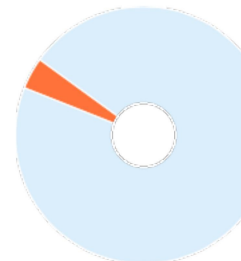
ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 1
Начало загрузки: 18.06.2018 13:22:42
Длительность загрузки: 00:00:02
Имя исходного файла: ВКР Волошина А.Д.
Размер текста: 2015 кБ
Символов в тексте: 140066
Слов в тексте: 17036
Число предложений: 1550

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 18.06.2018 13:22:45
Длительность проверки: 00:00:06
Комментарии: не указано
Модули поиска:

ЗАИМСТВОВАНИЯ	ЦИТИРОВАНИЯ	ОРИГИНАЛЬНОСТЬ
3,97% 	0% 	96,03%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.

Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.

Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.

Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.

Заимствования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.

Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Доля в тексте	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска	Блоков в отчете	Блоков в тексте
[01]	0,47%	0,6%	ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ	http://any-book.org	раньше 2011	Модуль поиска Интернет	10	12
[02]	0,3%	0,53%	Диссертация	http://rtsu.tj	18 Июл 2017	Модуль поиска Интернет	5	8
[03]	0,39%	0,39%	Урбанистика сегодня - тема ...	http://cyberleninka.ru	01 Дек 2014	Модуль поиска Интернет	4	4

Еще источников: 17

Еще заимствований: